

Ирина Кочеткова

Неправильный Оборотень

Ирина Кочеткова
Неправильный оборотень
Серия «Магия Осияна», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57153448
Кочеткова, Ирина. Неправильный оборотень: SelfPub;*

Аннотация

Перед первым превращением оборотень, как правило, представляет себя в роли престижного зверя: волка, медведя, рыси. Но у оборотня Ар-Лагора ипостась оказалась не как у всех, неправильная. Вся история закручивается вокруг подростка-оборотня и всеобщей уверенности в его исключительности. Но сама интрига находится намного глубже, прячась в водах ручья и озера, растворяясь в воздухе ароматами леса, маня за собой пушистым хвостом, мелькающим вдаль. Предсказание. Тайны. Легенды. Их так много вокруг юного героя и его семьи, что они сами становятся их частью. Это пугает. Это манит. И никто не даёт ответа. Все тайны придётся раскрывать самим, плутая между интригами и спасаясь от смерти.

«Неправильный оборотень» – первая книга цикла «Магия Осияна»

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Неправильный оборотень	8
Семья	8
Семейные истории	27
Праздник на полнолуние	43
После праздника	81
Сила перекида	108
Учёба	119
Свадьба оборотней	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Ирина Зайцева

Милостью Заступницы

* * *

Пролог

Яфир – самый молодой из вещунов, обитающих при Скале Сияния.

Самый молодой, а вот, поди ж ты, не спалось ему. Ночь уже за половину перевалила, а он, как старик с бока на бок ворочается, придрёмывая на несколько минут.

Нет, так дело не пойдёт! Это не бессонница, это беспокойство зудит, спать не даёт. Ещё с полдня исподволь, потихоньку волнение стало копиться. И вроде, никакой причины нет, а... ожидалось чего-то.

Точно... Яфира так и подбросило. Мужчина стал торопливо одеваться, ругаясь сквозь зубы:

– Дурак! Болван! А ещё вещун называется. Ясно ж, с чего дёргаюсь... на старость грешу... а там, может, сейчас какое предсказание великое засияло.

Предсказанием великим оправдывался и Верховный вещун Аинтас, настолько древний старик, что дунь на него, и кости посыпятся. Не раз, и не два приходилось от него слышать:

– Вот, как приму от Скалы великое пророчество, так и освобожу вам место Верховного, – и хихикал, не по-старчески остро оглядывая пятерых поднадзорных ему вещунов.

Яфир-то и не мечтал о звании Верховного. Его лишь недавно взяли в обитель при Скале, аж, с окраины княже-

ства. И так был рад до помрачения ума, что из всех кандидатов его выбрали. Ясно, что мыслей стать Верховным у Яфира пока даже не возникало.

Зато остальные четверо только зубами скрипели в ответ на усмешки Аинтаса. Каждый из них считал Верховного выжившим из ума стариком, и про себя желал ему поскорее окочуриться, освободив вождьденное место. И в мыслях каждый из четверых не единожды примерился к посоху Верховного вещуна.

Только вот в эту ночь спали все четверо. А возле Скалы сегодня дежурил сам почтенный Аинтас – Верховный вещун княжества Осиян. Да Яфир чего-то не заспался, примчался по темени от домов вещунов, построенных на отлёте. Он и бежал, сломя голову, потому как увидел сияющий свет предсказания, что струился над Скалой. И даже успел прочитать последнюю часть пророчества.

Видать, надпись своё время уже отсияла, строки стремительно таяли, но Яфир успел ухватить последние: «...потомки его сумеют приручить зверя, и перестанут люди опасаться оборотней, а семьдесят пятый потомок Рруса Трёхлапного будет особенным».

Точно, какое-то грандиозное пророчество, раз Великого Оборотня упомянули. Но ничего, Верховный вещун, наверняка, запомнил. Старый-то он старый, а своё дело крепко знает, и память у него ещё цепкая. Яфир оглянулся на скамью под навесом, на которой коротал своё время дежурный

вещун.

Всё правильно, как и положено, почтенный Аинтас восседал на скамье с посохом Верховного на коленях и, откинувшись на спинку, не сводил глаз с поверхности Скалы – остаточный фон ещё несколько часов будет проблёскивать после предсказания.

Яфир, осматривая Скалу на всякий случай, шевелил губами, повторяя про себя слова пророчества – те, что успел углядеть. И, вздрогнув от шума падения, снова оглянулся на Аинтаса.

Упал и покатился посох Верховного. А сам старик, как сидел, так и остался сидеть, вытаращив стеклянные глаза на Сияющую Скалу предсказаний. Ни движения, ни вдоха...

Верховный вещун княжества Осиян, почтенный Аинтас, был лучшим предсказателем!

Как и говорил, он, приняв великое пророчество, сразу же освободил место Верховного... и унёс почти весь текст предсказания с собой в могилу...

С тех пор по распоряжению Верховного вещуна Яфира возле Скалы Сияния днём и ночью дежурили вещуны не менее, чем по двое, а то и по трое.

Часть 1. Неправильный оборотень

Семья

– Бабуль, а мой новый дружок Мирак уже перекидывался прошлой луной.

– Это тот чтоль, который нового пришлого сынок? Маненький такой, утром к тебе забегал? Дак они ж дикие. Ежели ему, как тебе, годков шесть, то самый раз перекидываться.

– Ага, он. Они тогда ещё только собирались к нам. Баб, я тоже хочу щас перекинуться. Скажи папке, он тя послушает.

– Да ты что, сдурел? Спроси того Рика, Мирака папку, за чем дикий к нам пришёл? Да за тем, чтоб придержать сыночка – штоб тот смог договориться со зверем, а это только шаман поможет... Вот скажи, рассказал тебе твой Мирак, как это оно – перекидываться?

– Ага, говорит, почти не помнит, лапы у себя мохнатые увидал да так жрать захотел – папка ему зайку и кинул. Он ему зайку загодя поймал, лапку закусил, чтоб тот шибко не бегал. А как Мирак перекинулся, так и кинул ему.

– Да, зайка вкусны-ый! – протянула бабка задумчиво. И смачно облизнулась.

– Мирак тоже говорит – вкусный. Баб, да как же это? Он же сырой! Как его неварёного-то есть? Невкусно ж!

– Это когда в человечесем обличье тебе невкусно. Ты ж – человек! А вот когда зверем становишься, да спервоначалу перекидываешься, знашь, как вкусно? Первый раз оно самое вкусное, – бабка снова причмокнула. – А у зверя вовсе мозги отшибает.

– Как это – мозги отшибает?

– А так. В однораз, как зверем становишься – видеть по-другому начинаешь, глаза по-другому смотрят, уши каженный шорох слышат, в нос шибает всякой вонью. Вместо рук-ног лапы врастопырку стоят, а из задницы хвост торчит. Вроде б, и знаешь, что так должно быть! Но это человек внутри знает! А ты уже зверем стал, который ни мамки, ни папки не видал никогда, никого знать не знает, ниче не понимает – он же только сичас родился, и сила у него уже есть, а мозгов ещё не завелось. А жрать-то как в энто время хочется! Вот в тот самый момент, если без пригляду, беда и случается. Зверь могёт и маму-папу загрызть, если те человеками рядом будут. Он же не соображат ничо, у него энти... кстинты. Вот Рик-то, это знаючи, зайку-т и приготовил – правильно сделал.

– Баб, а чё такое кстинты?

– А эт, кода мозгов не хватает у всякой мелочи пузастой. Бабке совсем отдохнуть не даёт! Прилегла только на минуточку, а энто, как репей в хвосте – чё да как. Вон, братьёв прорва, у них спрашивай! Которы уж и поперекидывались, и девок по кустам пошарахали, особливо одну рыжую вер-

тихвостку, у-у, блох ей в шкуру – лиса облезлая, а туда ж... Брысь отседова! – ш-ш-шух, хлопнула дверь, да кровать закрипела под утихающее бабкино ворчание.

Этот забавный разговор бабки Мьяры с самым младшим в нашей семье – шестилетним Арыской – был хорошо слышен из-за приоткрытой створки окна.

На последних бабкиных словах я с усмешкой покосился на старшего брата Уруса – большого знатока по рыжим шкурам. А тот сидел рядом на лавке, привалившись к избяной стене, щурил хищные глаза да улыбался шкодливо.

В тенёк, под куст сирени возле бабкиного окна мы от бабки же и сбежали. Ведь не посмотрит, что законный выходной, чего-нибудь да велит делать – дрова колоть или сарай чистить. А то, как девок, заставит полы в избе мыть... Может, бабка нас под своим окном-то не углядит? Где в другом месте искать будет... она же, вон, вернулась в комнату, а тут и Арыска заявился со своими детскими любопытными вопросами.

Ну и ладно, что выходной у брата – ему одному отдыхать скучно. В компании-то веселее!

Брат встал, гибко потянулся. Среди своих ровесников Урус – вожак! Я с завистью оглядел поджарое тело – стать волка и просторная рубаха не испортит. Урус хоть и кажется худым и даже костлявым, но это только видимость. Под рубахой сухое тело мышцами, будто канатами перевито. Шаг бесшумный и быстрый, движения плавные, да зубы скалит

вроде нечаянно, не злобно, а выходит со значением – совсем, как у старших оборотней. Одно слово, волк!

Мне же только четырнадцать исполнилось, а ростом почти со старшим сравнялся. Сила тоже есть, хотя бы и не такая, как у брата. И в плечах лишь чуток не догнал. Глаза вот подкачали – какие-то непонятные, коричневого цвета и вытянутые к вискам. Ресницы, что у девки, почти до бровей загибаются. Бабка говорит, оленьи глаза – тьфу, срамота!

А девки даже заглядываются, хотя мне стеснительно. Вот не могу я, не краснея, в иное девичье лицо прямо поглядеть. Ага, какая девчонка глазами поиграет. И ладно, если просто косу потеревит, а то в прошлый раз Варинка и шнурок на ворота распустила – это весной-то, когда возвратные холода случились, а от стылого ветра все вокруг в тёплые кофты укутались. Варинка же «взопрела» ненароком рядом со мной!

Я-то сам взопрел и раскраснелся, стыдясь того, что в вырезе рубахи увидал. Думал, нечаянно она... Ну и сбежал. А Суворка – друг мой – хохоча, потом рассказывал, что после моего ухода Варинка сразу же зазябла и шаль накинула, не давая себя рассмотреть любопытным.

Ну её!

А ещё заметил я, что парни до перекидывания в зверя – всё равно, что дети. По виду вроде большие, но какие-то... незрелые. Да уже после первого перекида пацан другим становился – и взгляд, и движения менялись – будто, какую

тайну узнал.

А я ещё и не перекидывался ни разу! Вот через неделю полнолуние наметится, праздник будет. Наступит и моё время!

* * *

По вечерам вся наша семья, как правило, собирается за столом в большой горнице.

Во главе стола восседает бабка Мьяра, вернее, прабабка наша – самая старая в нашей деревне, самая уважаемая, старейшина нашего рода Щир.

Вот так вот! У кого-то Серые Волки, Рыжие Рыси, а у нас Щир. И понимай, как хочешь, что за зверь такой! В нашей семье все оборотни в волков перекидываются, но именуется род почему-то вот так странно – Щир.

За столом после Мьяры рассаживаемся по сложившемуся порядку.

Когда приходит Ррык – бабкин сын и отцов дядя – то садится по правую бабкину лапу... Тьфу! Руку. Он – вожак не только в наших Волчихах, но и... Короче, вожак!

Отец – бабуле приходится внуком – располагается слева от неё. Рядом с отцом присаживается мама, когда подаст всю еду на стол. У неё в помощницах Урсунa, наша десятилетняя сестрёнка. Урус, как самый старший из детей, рядом с вожакoм. Дальше по старшинству сажусь я. А в конце стола

место младшего Арыски – того самого, что донимал бабку расспросами.

Говорят, у высокородных не принято за едой разговаривать. Вот скукота-то...

Не знаю, как у других, а у нас, когда за столом собирается семья, разговоры почти не смолкают. В деревне, в стае, в школе, да и дома всегда что-то случается и уж точно найдётся, что обсудить. А уж когда дядька заходит – вроде больше молчит, несколько слов скажет, а так направит разговор, что всё визнает – кто чего сказал да сделал. А то, смотря по настроению, может и сам что интересное рассказать.

Сегодня разговор Ррык и начал:

– Что-то смотрю, Арит, в последние дни к тебе народ зачастил.

– Да уж. Сегодня Димран, Крык и Румис, вчера Гремил, Заран и даже кузнец. Третьего дня...

– А кузнецу чего надо? Он же человек, никак не оборотень?

– Да того же, чего и другим, – отец глазами на меня повёл и усмехнулся. – Особенный. Каждому свою девку пристроить охота. Да по-особенному.

Бабка ахнула:

– Совсем срам потеряли! Да где эт видано, штоб вместо девки ейный отец хвостом крутил перед кобелём?

О-ох, действительно, сраму не оберёшься – бабка, как скажет, так на всё село ославит!

Вон, Арыска от хохота даже с лавки скатился под стол, аж поскуливает. Мать в полотенце лицом уткнулась. Урсунка с блюдом лепёшек по стенке на пол сползла, заливаясь звонким колокольчиком. Урус в плечо толкает, из-за смеха выговорить ничего не может.

Отец с дядькой сидят с серьёзными застывшими лицами, глаза в никуда глядят – нельзя смехом неуважение к старейшине рода показать, да и к бабкиным высказываниям за столько лет попривыкли.

А бабка не унималась:

– Ишь, охальники! Когда эт было, штоб кобель суку по отцову уговору покрывал? – повернулась к отцу. – Ты, Арит, гони-ка всех в шею! Наш Горушка ишшо молодой, ни одной течной суки не нюхнул. Вот будет гон, тады и пристроит, котора к сердцу припадёт, а не энтих... тьфу, срамота!

– Баб, ты погоди... Вишь, у людей-то принято загодя переговорить с желательной партией, штоб, когда сватать придёшь, тебя не умыли, не отказали, стало быть. Мы ж теперь с людьми живём, вроде...

– Цыц, говорю! Вот у людёв пусть по-людски и будет. Мы – нелюди! Мы пару по-волчьи выбираем! На тебя, Аритка, в своё время Гурунка как пялилась, помнишь? Вожакова дочка, между прочим. Ну и что, что от соседней стаи! А сговорили б с Соваром? И чево бы, пошёл бы с ней волчат строгать? Чево-то, ты нос с Гурунки своротил, на двор к Тарусе убежал?

– А у Таруси течка раньше началась.

– Ах, ты ж паразит! – тут уж мама на отца полотенцем замахала. – У меня, значит, раньше! А то б к Гурунке пошёл?! И были б твои щенки с бурыми клоками, да с короткими лапами.

Отец присмирел, того гляди, хвост отрастит, да заметёт им виновато по полу:

– Тарусечка, милая, да вспомни, как я бегал за тобой. У тебя ж лапки... ни у кого таких стройных и красивых нет! И у деток наших твои лапки! А уж шёрстка с таким подпалом! Охотникам облизнуться только останется. Я от Гурунки знаешь, как прятался, от охотников так не убежал. Ох и злилась же она, ох и рычала...

– Во-во! И сговорили б, не пошёл к Гурунке, к Тарусе побежал бы, потому как, эти кси... кстинты не уговоришь – у их своя правда. Нам, оборотням, насильно мил не будешь, никаким уговором жить не заставишь. В таких делах ни отец, ни вожак – не указ!

– Да знает он, мать, – хмыкает отцов дядька. – Просто мужики любопытничают да шутят. Кузнец, может, и правда какие планы строит насчёт своей Христи. Вроде, прабабка его с оборотнем путалась. А остальные порядок знают. Никто твоего Горушку заставлять не станет.

– Н-ну, смотрите у меня, Горушку в обиду не дам!

Вообще-то, полное моё имя – Ар-Лагор, и обычно все зовут Лагор или Гор, а бабка сюсюкает, как со щенком –

Горушка, Горушка. Стыдно!

А особенный... Просто я, вроде, и есть тот самый семьдесят пятый потомок Рруса Трёхлапого. Из совсем старого пророчества, что на Скале Сияния нашли. Вожак на все вопросы о пророчестве только плечами пожимает да хмурится.

А люди говорят, что все пророчества со Скалы обязательно сбываются!

Вот в соседней деревне мельник Кариш живёт, так он рассказывал, что приехал в наши места как раз после того, как у Скалы Сияния побывал.

Оборотень, проживал Кариш в Окреше – столице нашего княжества Осиян. Его, ещё молодого парня, собиравшегося по примеру отца служить князю, матушка вдруг стала уговаривать съездить к Скале Сияния, благо, что вещей камень и находится где-то там, в окрестностях столицы. Парню, вроде как, неловко бабьим уговорам поддаваться.

Да и Скала... она ведь тоже не всякому пророчит – многие от неё несолоно хлебавши уходят. Говорят, вещуны всякому любопытному предсказывать могут... да и то, то ли правду скажут, то ли соврут – сказывают, всяко бывает.

Не то дело – Скала! На Сияющей проявляются самые настоящие, истинные пророчества, а бывают просто указания, которые лучше исполнять всем, кого они коснулись. А иначе... плохо заканчивается, если не следовать тем указаниям.

И матушка Кариша упёрлась – езжай к Скале, и всё тут! И в слёзы, мол, предчувствие у неё. Материнское сердце, вер-

но, беду учуяло.

Поехал Кариш. И спросить ничего у Скалы не успел. Рассказывал:

– Ещё на подходе встретили меня вещуны, что при Скале всё время обитаются, и передали, чтоб торопился домой, не мешкая, родителей забирал. И ехать было велено на родину родителя, мельничное дело поднимать. Так и поступил. Только отец упёрся. Сказал, что столько лет верно князю служил и сбегать не собирается. Матушка слезами обливалась, но супружника не оставила.

Уже здесь, по приезду, догнала Кариша печальная весть. В столице волнения случились. Причиной послужило опять чьё-то недовольство оборотнями... Погибли родители Кариша. Не соврало пророчество Скалы Сияния, когда торопило уезжать. Да и совет учиться на мельника пригодился. Со временем стал Кариш знающим мастером. И жизнь у него сложилась, как и положено – обжился, женился, детишек завёл.

Издавна в народе ходит множество других историй про пророчества от Скалы. Где там правда, а где выдумка? Поди, разбери.

Но пророчество о потомке Рруса Трёхлапного уж точно много шума наделало ещё в те времена, когда надпись проявилась на Скале Сияния нежданно-негаданно. Даже не целое пророчество, а его часть.

И какая-то непонятная история случилась тогда у Скалы. Кто говорит, вещуна, что пророчество увидел, враги убили,

он только и успел перед смертью шепнуть другу несколько слов. А кто говорит, вещун с перепугу, от того, что увидел, ума лишился, и из его путанных слов едва-едва что поняли.

С тех пор, сказывают, оно, это пророчество, на контроле у самого князя!

И по всеобщему мнению, именно я этим потомком из пророчества и являюсь.

А окружающим интересно – взрослые приглядываются, пацаны кругами ходят. Правда, не задирают. Хотя ещё ни разу не оборачивался, а сила зверя, пусть и смутно, но ощущается – среди сверстников уж точно больше всех. Потому в мальчишечьей ватаге против меня за лидерство с самого раннего детства никто слова против не говорит. А перед остальными за меня ж, если по-серьёзному, и брат вступиться может. Да и род в стороне не останется.

Девки пялятся да шушукаются, а которые со смешками да намёками подкатывают, как та же Варинка. А уж Христя, кузнецова дочка, совсем проходу не даёт. Даром что человек, а прицепилась – вот поди угадай, взаправду втрескалась или, как другие, особенным интересуется.

А поутру сегодня к Урсунке забегала её подружка Орринка. Мелюзга десятилетняя, а туда же – пока не ушла, так глаз с меня и не сводила. Урус всё насмеялся, что невесты мои из пелёнок повылазили, смотрины предлагал устроить.

А особенный... Ничего я не особенный. Парень как парень. Руки, ноги на месте, скоро лапы и хвост добавятся. И

чего тут особенного?

Разговор за столом потёк дальше. Обсуждали пришлых, будущий праздник и полнолуние. После ужина я подкатил к бабке, когда та устроилась в кресле возле окна. Знаю же, что бесполезно просить, но в очередной раз попытался:

– Баб, ну чё ты меня как маленького кличешь? Я ж большой уже...

Из-за спинки бабкиного кресла приподнялся Урус с насмешливой ухмылкой. У-у, волчара!

На бабку невозможно злиться и обижаться, ласковая она. – Оленёнок ты мой, Горушка, – ещё хлеще сказанула. Эх, бабка! – Ты ишшо не большой, вот после праздничка побольшеешь маненько. Как обернёшься, как покажешь, кто ты есть таков, так и большим считать можно. А так... побудь пока маненьким, дальше уж не придётся.

Урус совсем разухмылялся, над башкой руками рога маячит, а из-за его спины Арыска рожи корчит. Обидно.

Реву раненым оленем:

– Баб, да какой я тебе оленёнок, я даже салат не ем!

– Глазёнки-т у тя прямо оленёнковы, больши да ласковы, даже кады на бабку обижаисси. Глянешь в твои глазыньки, будто олешек из лесу прибежал. Так бы и схрумала!

– Ба, я волком буду, хищником!

– Хищником? Ха, а ты знашь, оленьи-то тоже хищники?!

У Арыски с Урусом, да и у меня наверно, глаза круглыми стали, и рты пооткрывались. Правда, Урус спохватился,

пасть прихлопнул, но глаза тарашил.

– Ты думаешь, олешек на лугу просто так травку щипет? А вот, ежели в травке той птичкино гнездо с яичками встретится, он его и схрумает заздорово живёшь. А и не с яичками, даже с птенчиками не побрезгует. Зайков, конечно, не ест, а вот гусеничка какая на листке, быстро в живот отправится. Эт ладно. А вот ты думал когда, почему волки и оборотни редко оленину едят? А и едят, то какого-нибудь старого или калечного оленя? Они ж знашь, какие сильные! На вожака кинуться только сдуру можно. Копытом звезданёт, сам волчьей звездой станешь! К вожаку, даже к покалеченному, не вздумай подходить, только кода сам помрёт. Охотиться можно, ежели какой оленёнок от мамки да от стада сдуру отбежал. Или какой старый аль больной, там с ногой переломанной, попадётся. А если к оленёнку другие олени побегут, собирай зубы, лапы и удирай, а то быстро на рога подымут. Вот как, любого хищника умоют.

Бабка пожевала тонкими сморщенными губами и, припоминая, продолжила:

– Правдоть, мы с Тырком, вашим прадедом, однораз такого олешку освежевали. Мясо молоденько, мягонько, косточки сахарные...

Бабка рассказывала, а сама облизывалась, да так, что у нас слюни закапали, тоже заоблизывались.

– Значит, пошли мы в лес с мальцами – Ларс, дед ваш, да Ррык постарше, они уже вовсю перекидывались. Да Гронт,

он-то в первый раз. Ну, в полнолуние как и положено попервости. Надо ж мяско приготовить малышу. А с утраца в лесу-то облава была – говорили, людоед завёлся. Грешили на оборотней. Ан, нет! Волк оказался, потом нашли. Ну так, стало быть, облава-то была, знамо дело, всё зверьё расшугали. Оно бы и бестолку – в лес соваться после облавы. Однако вот оно, полнолуние. Гронту перекидываться пора, хошь-нехошь пойдёшь. Это щас шаман оборотёнку мозги на место поставит, уговорит зверя не вылазить, а тогда-то Ррык да Ларс знать не знали, что придумают таково... Ну вот, пошли мы, значит, в лес. Да курицу прихватили. Знамо дело, дикий зверь налучше всего, да ведь облава... Ну, стал быть, идём покамест человеками, Тырк перекинулся, штоб пробежаться, авось, како-нить зайку пришмыгнуть. Ан, нет. Даже белки не цвыркают – и их напужали. А слышу, Тырк рычит. Хруст поднялся. Рёв такой громкий, трубной! И не поймёшь спервоначалу, что за зверь-то такой? Я бегом перекинулась, Ларс и Ррык за мной, да к Тырку. А там олень молоденький, да не телёнок уже, рога растут, в тело вошёл, в самом соку. Молодой, а силища-то – не балуй! На такого охотиться стаей нужно, а нас два волка да щенки. Правда, у олешка нога сломана, как щас помню, левая передняя. Видать, бежал от облавы-то, не глядячи, да в ямину али нору угодил. Да только силища, ему ж тож жить охота! Тырк, значит, справа оленя отвлекает, а тот башку наклонил да рогами качает. А рога-то о пяти отростках – красотень, только заденет такой красо-

тенью, враз щенки осиротеют. Мы ж не на охоту шли, оружия никакого не прихватили, только зубы. Ну я, значит, пока олень меня со щенками не чует, оббежала кругом, да из-за кустов и вцепилась ему в левый бок да отпрыгнула скорей. Олень-то от боли совсем забыл про ногу-то, взвился, а нога возьми и подломись! А тут ещё и подвезло, ямина небольшая подвернулась. Нам-то о четырёх лапах и незаметно, а ему-то в самый раз пришлось. Оступился зверь, грохнулся, да рог евоный один с размаху ка-ак в землю воткнётся – и ни туды его, и ни сюды. Лежит на спине, ногами дрыгает, от рогу-то башку ему вывернуло, горлом кверху. Давай кусай! Тырк-то и рванул. А глаз у олешка, прям как у нашего Горушки, красивые-ый! Только жалобный, слезой затёк. Ну, как ни жалко, а кушать надо. Оглянулась на пацанов – бежали за мной два щенка да пацан человечий, а прибежали три щенка. Так и не поняли, как Гронт перекинулся. Ох, щенкам и радости было! Напрыгались, потявкали, пока олень отходил – он же ещё потом ногами дрыгал. Нае-ели-ись! Потом с собой ещё на суп взяли. Большой олешек был! А вкусный-то какой! Об эту пору, пока молодые, олени самые вкусные. Да, говорю ж, такого не завалишь без стаи, да играючи, как у нас сподобилось. То удача...

– А ну, ребятня, совсем бабку заболтали, дайте ей отдохнуть!

С вожакom не спорят. Я поглядел на бабку – и правда, старенькая она у нас, хорохорится, но видно же, что притоми-

лась. Сунулся ей носом в руку да пошёл с Урусом во двор, скотину пора встречать.

Ну и что, что мы оборотни! У нас скотина самая ухоженная! Мы всегда знаем, на каком лугу трава сочнее, всегда учуем куртины ядовитой травы и отгоним от неё глупых телят. А уж о том, чтоб скотина у нас пропала, и разговора быть не может – ни зверь, ни вор не позарится на стада, охраняемые оборотнями, и никакая дурная тёлка никогда не отобьётся и не заблудится – не дадут.

Пастухи-оборотни у нас в почёте, их и из человеческих сёл к нам приходят нанимать. Вот и Урус вместе с другими пока работает пастухом в стадах. Потому что ещё только закончил обучаться в школе.

А стада, как и пастбища, в нашей деревни большие. Там пасётся как личная скотина от деревенских дворов, так и общественная.

Нашей семье, кроме нескольких коров и племенного быка, ещё табун лошадей принадлежит. Но разведение коней брата особо пока не привлекает. Говорит, что хочет посмотреть, как народ в иных местах живёт. Бабка ворчит, но вожак и родители понимающе хмыкают. И пока сговорились, что к концу лета Урус уйдёт в город, попытает себя в стражниках.

Многие из наших стражниками служат. В замках земельных владетелей, в городах разных. Да и в стражниках многие оборотни не задерживаются. Как покажут себя, так их переманивают в сыскари, потому как, говорят, многие преступ-

ления только с нашим чутьём и раскрываются.

И знахари из оборотней знатные! Хороший знахарь должен знать, когда лечебную траву собирать, как сохранить, чтоб она силу не потеряла. А уж травяные сборы у нас самые лучшие, самые выверенные получаются.

И всё благодаря врождённым инстинктам и нюху – у кого волчьему или лисьему, медвежьему бывает, рысьему.

И если раньше, во времена детства моего деда и его братьев, оборотней редко брали на службу, то теперь, после того, как мой дед Ларс со своим братом Ррыком создали систему «осознания», как они её назвали, наши оборотни – огого! – всем нужны.

Говорят, даже на службу к князю приглашают.

Оно ж как раньше было?

Оборотни были дикими, как сейчас говорят, да и нынче таких хватает. Зверь в человеке просыпался годков в шесть. И человек-то ещё не больно большой и умный! А как зверь в нём просыпается в первое полнолуние, после того как исполнится шесть лет, так и вовсе без контроля старших оборотней малыш лютым зверем стать мог, а то и людоедом.

Потому что в этом возрасте звериное сознание сильнее человеческого и подавляет его. Зверёныш, подчиняясь инстинктам, и на человека может напасть. Взрослого не осилит, а вот ребёнка, пошедшего в лес по грибы, запросто. Человек бегать быстро не умеет, зубы и руки у него слабые, особенно, у ребёнка. Его и поймать легче, чем того же зайца или утку.

Так и становится «дикий» оборотень опасным и для людей, и для других оборотней. Потому как неразборчивым становится, может и щенка оборотня загрызть.

Да и невиновным, правильным оборотням приходилось отдуваться за нелюдей. И будь хоть трижды уважаемым знахарем, если прознавали, что ты оборотень, ничего не спасало! Забивали кольями, даже если на сто вёрст вокруг других знахарей нету. Настолько люди нас боялись.

Вожак Ррык вместе со своим братом Ларсом, нашим дедом, додумались, как образумить зверя в оборотне и договориться с ним сызмальства.

Оборотень – существо полумагическое. Говорят, умные учёные люди изучают, какие энергии влияют на появление оборотней. Пока выяснили только, что магия каким-то образом задействована, и что оборотничество передаётся по наследству. Даже если все твои родственники люди, но в предках затесался оборотень, то появляется возможность рождения оборотня.

Ну, и у дедов наших вроде что-то с кем-то произошло. И они поняли, что со второй половиной нашей, звериной, можно наладить контакт. Но для этого зверя надо успокоить, уговорить, научить его понимать человеческую половину, не разрешая ему проявляться до определённого момента. А в этом могут помочь опытные оборотни и маги, даже не очень сильные.

И когда начинаешь внутри зверя чувствовать и понимать

его, а он тебя – вот тут и проводится перекидывание человека в зверя. Осознанно.

Дед наш Ларс со своим братом Ррыком, что сейчас у нас вожаком, выработали методику «осознания». Дед-то не дожил. А брат его Ррык при поддержке княжеских магов стали предлагать «осознание» другим оборотням, организовали школу для молодых оборотней. Так появилась официальная раса оборотней культурных или цивилизованных. Среди таких оборотней людоедов и чудовищ не бывает – это просто люди со специфическими способностями.

Вот в таком виде нам рассказывали историю в нашей школе.

Семейные истории

На следующий день, когда шли домой после занятий в лесной школе, мы с сестрой заспорили, выясняя, куда пропали наш прадед Тырк, дед Ларс, его брат Гронт, сестра Раста и другие родственники – говорили, что погибли в какой-то войне. Оказалось, что мы толком-то и не знаем о тех событиях.

Никого из взрослых, кроме бабки, дома не было. Нам не хватило терпения дождаться отца или Ррыка, переговариваясь с Урсунной, побежали с вопросами к бабке Мьяре.

И бабка рассказала:

– Ох, и времена были тяжкие! Нас, оборотней, как гоняли-то! И жгли, охотники нас травили, крестьяне кольями протыкали, на вилы подымали! Какой медведь-шатун зимой поднимется, оборотней ругают. Псина глупая бабу какую тяпнет, «оборотень» блажат. Ох, тяжко-о! И вздумалось тут Гронту любовь закрутить. Да какую любовь-то ненормальную! Как мозгов лишился. Ничё не слышит, не соображат совсем! Один свет в окошке – Листавией её звали. Ох, змея! Ведьма! Лицом чисто ангел. Кожа тоненька, гладенька, молодая. Носик ровненький. Губки пухленькие, что твой цветочек. Глазки навроде наивненьки, а иной раз огоньками вспыхивают – Гронту-то заливает, мол, от любви большой к нему, Гронту, значит. Волосья сыпятся по плечам. А вот цве-

том-то волоски уж больно диковинные – черны, что у ворона, а по черноте белые пряди переливаются. Сзаду посмотришь, подумаешь – старуха перед тобой. Спереду глядишь, девка – красотой странная. Говорит ласково, что ручеёк журчит. Глазки-то при разговоре всё вниз опускает, прямо не смотрит. С виду такая простота, такая ласкова. Вот Гронт и втюрился. Из-за неё-то всё и случилось!

Бабка горестно вздохнула и, уставившись куда-то поверх наших голов, продолжила:

– Она в деревню нашу с тремя мужиками приехала, на лошадях верхами. Едет улицей к трактиру, да мимо Гронта с Ларсом. А лошадь-то непривычна. Возьми да шарахнись от парней – коняку-то не обманешь, она оборотня завсегда чует и шарахается, если непривычна. Тут-то Листавия эта на Гронта и взглянула. А чё? Парень видный, красивый, глазами-то на девку в штанах выпялился. Где это видано, баба в штанах, в плаще и шляпе – одета как мужик, а причиндалы все бабьи? Ляжки без стыда выставлены, а притом глазки из-под ресничек стреляют, щёчки аленьки, вроде как от скромности. Проехала она со своими мужиками до трактира, еду заказали. А после мужики-то дальше поехали, а она в трактире комнату сняла, говорила – то попутчики были, а она, вишь, притомилась в дороге, отдохнуть хочет. Куда ехала-то – так и не сказала, всё юлила. Вроде языком чегой-то мелет, а никак не поймёшь, об чём сказать хотела. Да так завернёт, что забудешь, что у ей спрашивал. Так и морочила. Это ж

потом мы узнали, что она – ведьма, а те мужики – помощники еёные по злым делам. Она, вишь, нам в доверье втиралась, говорила – изучаит оборотней, чтоб, значит, помочь нам. Для того, значит, брала у нас плевки, кровь... говорила – изучаит. Она и взаправду изучала, да только затем, чтоб над оборотнями командовать. Надо было одним магам над другими победить, вот и хотели они послушниками сделать оборотней, чтоб мы по их приказу убивали. А оборотней потом ещё больше бы извиноватили и пуще прежнего нас травили бы. Вот и начала она с Гронта. Хи-хи да ха-ха, на свиданья, значит. Любовью ему голову закружила, говорит, хочу по-волчьи. Тот перекинулся, весь в томленьях, а у ей сетка волшебная приготовлена, с которой не то что оборотень, а и маг не вывернется. Кликнула помощничков, они у ей недалече спрятались, да давай Гронта-то доить – ей не любовь нужна была, а ещё и сок, жизнь дающий, понадобился для изученьев. Вот какие непотребства творила! Ррык говорил, страшные дела сотворились бы, если б она свои изученья закончила – всяких бы чудищ наделала, и беда ко всем пришла бы, по всем деревням, городам и странам... Гронт-то поначалу взъерепенился, обиделся, что она за любовь его так срамно ему сделала. А ведьма энта ему и говорит – от любви большой, помочь хочу, опоила его зельем... Мы так думаем, она на ём испытывала, чтоб оборотень ей подчинялся. У Гронта уж совсем мозги снесло, только ей в рот и глядит, на нас рычит, огрызается. Худо ли бедно, мы ещё как-

то терпели. Гронт-то всё время у Листавии отирался. А тут слухи пошли – люди пропадают... В лесу, и даже в домах человек, а то и оборотней, растерзанных находили. Как-то повстречали на улице Гронта, шёл человеком. Глядим, глаза дурные, а от него кровью несёт – и это в людском виде! Я к нему, зову, штоб пришёл домой пирога поесть да поговорить, а он рот кривит, угрюмится – не пойдёт, кричит, у него жизнь другая с любимой женщиной. И усмехается страшно, зло. А потом Раста – самая младшая моя доченька увидела, как он из дома наших соседей весь в крови выходил. А сосед наш – Тирас, оборотень, женился на человеческой женщине, сын у них дружкой Гронта с детства был. Мы, как Раста всё рассказала, сразу к соседям побежали, а там...

Бабка зажмурилась, по щеке потекла прозрачная слеза, промокнув щеку краем платка, надрывно продолжила:

– Там все растерзанные лежат – и дружок его, и мать, и оборотившийся отец. Всё перевёрнуто, переломано, лужи крови... Видать, дрались! У отца лапы передние отгрызены. Страшно стало всем. Это ж какая подлость и силища! Гронт же их всегда любил, они с Фаринком неразлучниками были. И он всегда таким добрым был. Вот тут мы и поняли, какая она страшная, эта Листавия! Она моего мальчика в чудище превратила. Она на ём и ещё на двух оборотнях опыты проводила – поила их чем-то, колдовала. Она ж и тех оборотней любовью поманила. Они друг друга и Гронта не замечали, только на её смотрели, еёные приказы сполняли. Из дерев-

ни народ в один день побежал. Трактирщик с женой даже деньгу с собой не взяли. Как есть бежали. Ох, и страшно было! Все – и оборотни, и даже люди – собрались мы в соседней деревне и порешили – бежать-то некуда. Нужно остановить Листавию и людоедов! Набралось нас изрядно – людей и оборотней – под сотню. Луками и мечами запаслись, а кто вилами. Детвору с выбранными оставили, с утра окружили нашу деревеньку, да и напали на ведьму со всеми её...

У бабки по щекам текли ручейки слёз, голос прерывался. Мы с Урсуней прижались друг к другу, замерев.

– Дралась страшно... С заколдованными поди справься! Она ж их кровью повязала, наколдowała им силу. Гронт на моих глазах сначала сестрёнке своей Расте голову открутил, а потом отца своо Тырка порешил...

И тут бабка не выдержала, завывала громко, протяжно, истоково, в волчьем поминальном вое.

– И Ларс, и жена его Горинка... У-у-у-у-у-у!..

В соседних дворах горестно подхватили вой, а следом взывала вся деревня!

Громко хлопнула входная дверь. В комнату с перекошенным лицом ворвался вожак Ррык, следом отец, бросились к бабке.

Ррык подхватил бабулю на руки, а отец надвинулся на меня, спрашивая, что произошло. Урсунка нырнула ко мне за спину, а я развёл руками – спросили у бабули, что случилось с дедом, его братьями, сестрой и вот...

Ага, и получил затрещину от отца, видимо, за честность.

Ррык, укачивая мать на руках, метнул разъярённый взгляд – м-да, похоже затрещиной не обойдётся – рыкнул сквозь зубы:

– Зови знахарку. Быстро!

Знахарка Верена уже бежала, благо, через два двора жила – поняла, что переполох от нас начался. Напоили бабку успокаивающим травяным настоем. После того, как она заснула, хмурый вожак выволок меня на крыльцо за ухо. Ррык никогда не распускал руки. Видимо, здорово его пробрало, перепугался за бабку.

– Рассказывай!

– Ну, мы знаем про деда и прадеда, а как они умерли, никогда не говорят. И сестра ваша, и брат... Мы ж с Урсункой не знали, что так будет. Спросили, а она вон...

Ррык совсем потемнел лицом. Отец цыкнул огорчённо:

– Говорил тебе, хоть как-то нужно рассказать. У них всегда вопросы будут. Это ж их семья.

Вожак опустился на ступени, обхватил голову руками и вдруг заскулил – тонко, жалобно. Отец жестами показал, чтобы я проваливал с глаз долой побыстрее.

Ну, её эту историю, да хотя бы и историю семьи! Вон как всё повернулось. Лишь бы бабка не заболела. Жалко её – добрая и ласковая она, а меня, так вообще, больше всех правнуков выделяет.

И Ррык вон как расстроился! Слышал, жена его в той за-

варухе погибла. Наверно, тогда же, когда и дед с прадедом и другими. Ррык-то после её гибели так и не женился, и детей своих нет. Вся его семья – мы, стая и деревня.

Да, вот такая история!..

Весь вечер отец с Ррыком избавлялись от расстройства, как все человеческие мужики делают – бутылкой с самогоном да закуской. Бабка в своей комнате спала, в горнице отец с Ррыком негромко бубнили. Нас, детей, мать тихо покормила на кухне.

Урус, учуяв тяжёлое настроение в доме, вопросительно глянул на меня. Шёпотом на ухо рассказал ему, и тот, покрутив пальцем у виска, прошипел:

– Терпения не хватило меня дожидаться? И бабка, и Ррык от этой темы, знаешь, какие?

– Теперь знаю. Мог бы и сам раньше рассказать.

Брат смутился:

– Да... понимаешь, я сам не всё знаю. Они ж никто толком до конца не могут рассказать, и каждый по-своему толкует. Мне-то повезло, я у отца спросил. А-а, ладно, как вышло, так вышло... бабку жалко... да и Ррык... У них с женой любовь бешеная была, они тогда только поженились. Они ж совсем молодые были, их не хотели брать в драку. Только там такие злодеяния творились, Ррык с Биарой упёрлись – пойдём со всеми. Они и драку с небольшими ранениями пережили. Тебе сказали, что Гронт с Листавией и Йортом, ещё одним оборотнем, прорвались и ушли? За ними погоня по-

шла. Из той погони только Ррык и уцелел. Нашли его почти умирающим, еле выходили. Остальные все погибли, Гронт и Йорт тоже. Не нашли Листавию, ушла ведьма. У Ррыка, говорят, волосы с детства почти чёрного цвета были, и волком был очень тёмным, почти чёрным, а нашли его седым. Еле выжил. И с тех пор больше не женится и даже думать про то не хочет, до сих пор тоскует.

Это был ещё не конец истории.

Через день, утром в школе меня остановил вожак и сказал, чтобы после занятий остался – есть разговор. Последнее занятие как раз он же сам, Ррык, и вёл – следоведение по теме «следы в сухую погоду летом».

Урок проходил в лесу, примерно в версте от деревни. Обычно уроки, которые вёл Ррык, длились намного дольше положенного времени, но сегодня не затягивал – ограничился следами крупных зверей и задал урок на внимательность, чьи следы можно ещё увидеть на изучаемой территории.

Когда другие ученики, переговариваясь и споря, ушли по тропинке в сторону деревни, Ррык придержал меня за плечо и, кивнув, развернулся в противоположную сторону, в направлении лесного озера. Всю дорогу вожак молчал, о чём-то сосредоточенно думая, а я не задавал вопросов, мне позавчерашних хватило.

Следуя за старшим, я с любопытством крутил головой. У этого лесного озера было очень красивое имя – Хрустальный омут. Но детям и подросткам строго-настроено было за-

прещено приближаться к нему ближе, чем на две версты. И тропинок в ту сторону не было. Ррык вёл меня по нехоженной траве, машинально огибая непроходимые кусты и ямины – так ходят, когда местность очень хорошо знакома.

Мы вышли на берег озера, и я не удержался от восхищённого восклицания.

Как же тут было красиво! Высокие сосны подступали почти к самой воде. Чистейшую воду этого небольшого озера окаймляла узкая полоса зарослей осоки и камыша. Рядом с камышами распластались водяные лилии с крупными белоснежными цветками.

Но особое очарование открывшейся картине придавал крохотный водопад – один из родников бил из каменного холма на противоположном берегу и ниспадал двойным каскадом, раскидывая капли воды, которые радугой переливались на солнце. Вода озера была настолько чиста и прозрачна, что очень хорошо просматривались водоросли на дне и рыбы, снующие вокруг. Видно, что рыба непуганая, подплывает близко, тыкаясь носами в берег.

Ох, а глубина-то здесь какая! Дно в нескольких метрах от берега резко уходило вниз, и прозрачность воды переходила в непроглядную черноту. Я невольно сделал шаг назад и перевёл дух – надо же, оказывается, всё время, пока осматривался, почти не дышал.

Ррык сидел на траве. Брови нахмурил, губы сжал, глаза неприязненно смотрели на окружающую красоту.

– Красиво? Вижу, понравилось...

Вожак замолчал, не в силах говорить. Видно было, что ему очень не хочется что-либо рассказывать, но почему-то, считал, что это нужно сделать.

– Я привёл тебя сюда, чтобы рассказать и кое-что показать – думаю, тебе это необходимо. Не знаю, как сложится твоя жизнь, но некоторые события тебе – именно, тебе, Лагор – нужно знать. Пока не задавай вопросов. Что будет неясно, спросишь позже. Сейчас...

Ррык, закрыв лицо руками, сглотнул комок в горле, потом продолжил глухим голосом:

– Постараюсь о главном. То, о чём вам с Урсуней рассказала моя мать, касается не только нашей деревни и семьи. На самом деле, такого рода заварушки никогда не случаются просто так. Нас, оборотней, люто ненавидели люди. Да что говорить, и сейчас не любят, кто-то и терпеть не хочет, также убивают, как и раньше. Вам, ребягне, вольготно здесь в деревне под охраной княжеской грамоты. Там, дальше, в городах и почти во всём Осияне нас не любят, но хотя бы терпят. Вот уже в соседнем герцогстве придётся опасаться и прятать свою натуру. Нас боятся. Глупцы! Они просто боятся неизвестности. Знаешь, Лагор, иногда неизвестность совершенно не опасна, но люди истово боятся только потому, что им непонятно, чего ожидать от неведомого, – невесело усмехнулся, – а вдруг укусит.

Немного помолчав, продолжил:

– Но мы, оборотни, в этом мире сила определённого рода – дикая, неподдающаяся, но сила. И кто нас приручит, тот станет одним из сильнейших. Мы – существа магические. Превращение человека в зверя нереально без магии. В нас эта магия присутствует изначально, заставляя в определённое время превращаться в зверя и давая недюжинную силу. Только сознание зверя при пробуждении совершенно не связано с человеческим, хотя является нашим же. Дикому оборотню только с возрастом удаётся контролировать себя в обеих ипостасях, если доживёт до того возраста, а таких не так уж много. И это твоему деду, моему брату Ларсу, пришлось понимание – учить человеческую половину в оборотне брать контроль над зверем. Как мы сейчас это делаем, ты знаешь, но в те времена был только один ребёнок, прошедший «осознание» – твой отец. А вот Листавия со своими друзьями занимались разработками полного подчинения оборотней. Она и разъезжала по деревням в поисках подопытных. На нашу беду нашла нас. Когда случилась вся эта история, Ари-ту было около десяти лет. Он впервые перекинулся, именно здесь, на озере – и был результат, его зверь проявился в сознании... Когда мы оставили детей в соседней деревне перед дракой, Арит сбежал вслед за взрослыми, а потом увязался за погоней и всё видел. Видишь на той стороне холм с ручьём и водопадом? Рядом с истоком камень, а за ним спрятан ход в пещеру. Никому и в голову не приходило, что в этом чудесном месте творятся чёрные дела. В той пещере Листавия

держала пленников – сына князя и детей некоторых знатных дворян. Ей удалось их захватить, когда они направлялись в какую-то увеселительную поездку. Когда мы искали ведьму в деревне, Листавия с Йортом были здесь, пытались заставить княжича написать письмо отцу. Из деревни Гронт прорвался к ним. Мы кинулись за ним в погоню и оказались тут. Листавия, Гронт и Йорт – их было только трое, а нас пятнадцать оборотней. Мы окружили их и потребовали, чтобы сдавались. Нам хотелось честного суда, не хотели быть братоубийцами! Наивные, мы ещё не понимали, как изощрён и подл разум ведьмы! Листавия всё-таки нашла возможность каким-то образом влиять на звериную сущность оборотня. Она смеялась и выкрикивала слова заклятия, полоснув ножом свою руку и разбрызгивая кровь. И случилось страшное!

Ррык мучительно застонал и, зажмурился глазами, затряс головой. Прикрыв ладонью глаза, продолжил прерывисто:

– Мы стали драться и убивать друг друга! Я помню безумную ярость, мысли не поддавались контролю... какое-то помрачение рассудка! Мы перекидывались и нападали на того, кто подвернётся, истово вгрызаясь в чужую плоть. Иногда несколько оборотней на одного, не разбираясь, кто перед тобой, друг или враг... или любимая, – голос дрогнул. – Я очнулся от пронзительного визга, осознал, что остервенело грызу человеческую кисть. Оторвал руку Листавии и, видимо, этим прервал действие колдовства. Ведьма с криком упа-

ла в воду, и её утянуло в глубину. Из живых я остался один.
Ррык замолчал, повесив голову.

– А... – мой голос охрип от долгого молчания. Откашлялся. – А Арит? Мой отец?

Я боялся спросить о Биаре.

– Арит спрятался за деревьями и наблюдал со стороны. На него заклятие подействовало, и он перекинулся в волка, но помутнения мыслей и ярости не почувствовал. Мы так и не поняли, по какой причине. Может, от расстояния заклятие слабеет. Может, сработало то, что у Арита было тесное общение со второй ипостасью, а заклятие действовало только на звериную сущность, человеческая же половина контролировала зверя. Он видел всё от начала до конца и очень испугался... Видел, как мы рвали друг друга... и Биара... – без того смуглое лицо вожака совсем потемнело, он говорил с трудом. – Он сказал, что я целенаправленно через всех прорывался к Листавии... Я ничего не помню.

– Пленники... Зачем они ей?

– Власть – она же политика. Может, хотели свергнуть князя с помощью оборотней. Для этого искали ключик, с помощью которого могли нами безнаказанно управлять. Тот княжич, которого мы спасли – теперь наш нынешний князь Светлан. Когда он сам побывал в такой передрыге, увидел нас вблизи и то, что оборотни спасли его от злобной ведьмы, сильно повлияло на его мнение. Да и в советниках у него сейчас те самые друзья, с которыми он побывал в плену. По-

тому отношение к оборотням в нашем княжестве намного лучше, чем у соседей. И поддержка магическая, и школа ваша для оборотней – всё от князя. И на службу стали сначала брать по указу князя, а потом многие и сами поняли, что от нас пользы много. Хотя ещё побаиваются.

– А я почему?

– Мы повторно обращались к оракулу. Он подтвердил пророчество Скалы Сияния и то, что именно ты – семьдесят пятый потомок. Что-то случится, с чем только ты сможешь справиться. Честно скажу, Лагор, я не понимаю... Если бы выбор пал на Уруса, да даже на Арыса, я согласился бы. Но ты... мать правильно говорит – Горушка. Уж очень ты добрый, никакой хищности и хитрости. Вроде верховодишь среди молодняка, но с тобой и не спорят. Тебя не задирают, любят, знают, что уступишь... Не из-за трусости! А потому что совсем не честолюбивый, да и пользуются этим – а ты только улыбаешься.

Ну вот, опять Горушка!

– Да мне не интересно драться просто так, не из-за чего.

– Наверно, я не прав. Может, в этом твоя сила? Посмотрим... – вздохнул. – Ну, как бы там ни было, но после оборота, как определится твой зверь, усиливаем занятия в звериной ипостаси. Учиться будешь в ускоренном темпе. Что-то мне подсказывает, что доучиться у тебя не получится.

Вот это да!

– От князя уже приезжали, спрашивали про тебя.

Наверно, вид у меня был настолько ошарашенным, что Ррык рассмеялся, потрепал по вихрам, коротко прижав меня к себе.

– Не только мы пророчества изучаем. Властителям без этого никуда. Им обязательно нужно быть в курсе всего мало-мальски важного, а иначе долго не продержатся. Желających подобраться к власти много.

– Да зачем она нужна-то, власть эта? Нам и так хорошо!

– Да, хорошо под умной-то властью, а вот под дурной, например, под Листавией... Представляешь, каково было бы? Оборотням точно жизни не было бы.

Уже на обратном пути я спросил:

– А почему нас к Хрустальному омуту столько лет не пускали? Там столько рыбы.

– Рыбы много, говоришь... – Ррык невесело хмыкнул. – Тогда тоже много рыбы было, да сдохла вся, когда Листавия в озеро упала. И водоросли погибли, и камыши засохли. Раньше озеро просто Хрустальным называлось. И омута никакого не было. Вода чистейшая, аж с голубым отливом... и речонка из озера вытекала, даже говорят – русалка была. А после Листавии этот провал и появился. Озеро чернотой отливает, речушки не стало, и вода неизвестно куда уходит. И русалки точно нет. Я постоянно запускаю мальков в озеро, водоросли притаскиваю. Приживаются, а через два-три года в один момент гибнут. Если человек приходит со мной или Аритом к озеру, с ним ничего не происходит, а если без

нас, то потом не находим. Вещь какая-нибудь на берегу лежит, а от человека ничего найти не можем, даже запаха. Поэтому никого и не подпускаем, особенно, детвору. Что-то там нечисто – потому и о смерти Листавии не объявляем, чем-то она причастна к происходящему на озере. Да, Лагор, о чём я тебе рассказал, другим знать не нужно. Придёт время, сам решишь, что делать. А оно придёт...

Шагая рядом с вожакom, я думал: «Сам князь мной интересуется. О-о, как! И чего им всем от меня нужно? Что-то неуютно. Ну, не ощущаю я себя таким уж особенным и выдающимся. Да и не умею ничего особенного».

Праздник на полнолуние

Как правило, первое перекидывание в зверя – праздник семейный.

После того, как была принята система «осознания», наступает он в первое полнолуние после четырнадцатилетия и обычно касается только самого оборотня и его семьи, ну, разве ещё друзьям интересно. Иногда приглашают гостей: жоака зовут, мага, ведущего оборотёнка сызмальства, наставников из школы.

Полнолуние выбирается потому, что в эту ночь перекидывание происходит легче всего – каким-то образом фаза луны влияет на процесс.

Десять дней назад мне исполнилось четырнадцать лет, Арысу шесть – он родился в тот же день, что и я, но на восемь лет позже.

Сегодняшней ночью будет полнолуние и моё первое перекидывание в зверя, Арыс же впервые пойдёт на «осознание». Также первый раз перекинутся мой друг Сувор – ему тоже недавно исполнилось четырнадцать – и Рамиса, первая из детей в своей семье подвергшаяся «осознанию», её семья пришла в нашу деревню восемь лет назад.

Из-за пророчества об «особенном семьдесят пятом потомке» было решено провести официальное празднование – собирается вся деревня. Даже родственники со стороны ма-

мы приедут. Не все, наверно, но уж мамины родители – дед Тариок и бабушка Раллара – точно обещались быть. Может, ещё какие родственники надумают приехать.

А сегодня узнал, что прибыл представитель от княжеского двора и будут посланцы от других поселений, не только волчьих, но и рысей, и медведей, даже с юга кого-то ждали.

За свою жизнь я привык не обращать внимания на интерес к своей персоне. Просто жил, играл, дружил с друзьями и никогда не задумывался – кто я для них и их родителей, зачем соседи и другие интересуются мной?

И вдруг пришло понимание, как их много – этих совсем посторонних людей, которые чего-то ждут от меня, которым я чем-то интересен. Меня впервые в жизни пробрал страх перед чужим мнением.

С утра я спрятался за сарай. Настроение было настолько подавленным, что я не пошёл обедать и не откликнулся на зов матери. Там, за сараем, и нашёл меня Урус вскоре после обеда.

– Что это с тобой, братишка? Надо же, на обед не пришёл! Когда такое бывало?

Я сидел на старых досках, сваленных сюда невесть когда, сжавшись в комок и обняв колени руками, угрюмо уставившись в стену. Брат толкнул меня плечом, присаживаясь рядом:

– Вот это да-а, м любопытными глазами заглянул мне в лицо, – я тебя никогда таким не видел.

– Ур, а каким ты меня видишь?

– Чего?

– Да вот, даже вожак не видит во мне особенного. Он говорит, что ты или Арыс больше подходите.

– Ну, не скажи. Мы с Арыской как раз самые обыкновенные. А особенный... не знаю, тебе больше подходит.

– Да чем же? Морда обыкновенная, я даже не очень умный.

– Ну, насчёт ума ты загнул. Нормальный ты... Э-э, брат, да ты никак перекидывания испугался?

– Нет, Ур, перекидывания я не боюсь. Чувствую, как зверь во мне наружу просится – прямо сейчас бы перекинулся!

Я не мог подобрать слова, как объяснить свои ощущения и страх.

– Знаешь, они все смотрят на меня, заглядывают, как будто я невидаль какая, чудо-юдо какое-то. Всем превращение по-семейному делают, а мне целый праздник устроили. Ещё послы эти...

– Так ты из-за этого? Гор, да на тебя всегда внимание обращали – ты ж спокойно к этому относился! Чего сейчас-то на тебя нашло?

Ну, как объяснить ему, такому близкому человеку, как мне страшно... нет, не выйти к ним, а не оправдать их ожиданий!

– Гор, ты боишься... что не понравишься им?

– Да! Боюсь! – от облегчения к глазам подступили слёзы.

Урус крепко обнял меня за плечи.

– Лагор, я всегда был братом особенного. Думаешь, к нам не пристают? О тебе не спрашивают? И Ррыка, и отца, и мать с Урсунной, и даже Арыску. Фиг его знает, чем ты особенный! Но, знаешь, любой другой на твоём месте возгордился бы и строил из себя невесть кого, а ты... ты отмахиваешься от этого и остаёшься самим собой – этому-то все и удивляются. Вот этим ты и особенный.

– Да ну тебя! Разве это важно?

– Не скажи. Ещё как важно. Правда, Гор, чего ты замораживаешься? Плюнь, жизнь покажет, что дальше будет.

Хм, прав Ур, чего-то я расклеился, как девчонка – накрутил себя, напридумывал невесть чего. До перекидывания остались считанные часы, а я вздумал философствовать – вот уж сроду этого не делал.

– Спасибо, Урус! Мне, правда, легче стало.

– Во, держи нос поверху! Ты есть ты, а на других внимания не обращай! Жрать хочешь?

Мой живот согласно заурчал, а брат захохотал.

– Смотри-ка, твой зверь отозвался. На! Я тебе кусок мяса с лепёшкой стащил.

Хор-роший кусок, с румяной поджаристой корочкой, и душистая мягкая лепёшка величиной с тарелку. Я с рычанием вгрызся в бутерброд.

– Ешь-ешь. В следующий раз уже зверем ужинать будешь, сырым мясом.

– Умгу...

Хорошо иметь старшего брата!

* * *

С одной стороны полыхал закат, а над ограждением площадки, где проходили все деревенские собрания, в ещё светлом небе плыла полная луна.

Мы – Сувор, Рамиса и я – разодетые в красивые нарядные одежды, стоя возле ограды, ждали, когда нас позовут.

Праздник праздником, а порядок своим чередом. Сначала маг и наставники работают с сознанием тех, кто не «выпускает» зверя, начиная с самых младших детей, шестилеток, постепенно продолжая с более старшими.

Хотя мы знали всю процедуру происходящего сейчас за оградой, сами не раз её проходили, но с любопытством заглядывали в щели между толстыми кольями.

Ещё бы! Никогда такого не было, чтобы на, в общем-то, рядовое событие собиралось так много народу. На совете деревни было решено проводить процедуру «осознания» с младшими как обычно, наше перекидывание в зверей тоже. Только решили сделать «смотрины» – допустить всех желающих посмотреть «осознание» и перекидывание – для этого по внутреннему периметру площади сколотили скамейки для гостей и сделали лёгкое ограждение.

А после всех этих событий было решено накрыть столы

для празднования. Да, такого размаха для обыкновенного события ещё не было!

Ещё одно нарушение. Обычно все, подвергающиеся «процедуре», с начала и до конца находились внутри ограды. Но сегодня набилось столько народу, что нам не хватило там места. Потому и стояли за оградой, ожидая своей очереди.

Я заглядывал в щель между кольями, стараясь высмотреть братишку. Сегодня Арыска со своим дружкой Мираком впервые шли на «осознание».

Я помню, как было интересно в первый раз. Интересно и жутко. А вдруг зверь не послушается? Ка-ак выскочит! Ка-ак начнёт всех рвать зубами! Такими страшилками малыши всегда пугают друг друга перед первым «осознанием». Хотя Мирак уже перекидывался и знает, каково это – чувствовать себя зверем.

У магов всё отлажено – быстро вводят детей в транс и держат их под контролем. К каждому подходит наставник и разговаривает с ним. А вот о чём, не вспомнить! Сознание в этот момент уплывает. Разве уловишь, что тебе там говорят?

Ррык как-то объяснял о внушении. Наговаривают ребёнку что-то вроде молитвы или стишка с учётом характера малыша, акцентируя на подчинении зверя человеку. Позже в школе учат чувствовать звериную часть, разговаривать с ним, объясняя зверю жизненные устои человека. Со мной, с братьями и с Урсуней вожак всегда сам занимался, других наставников не подпускал!

На гостей тоже было интересно взглянуть – я пропустил их приезд, сидя за сараем. А говорят, что даже с юга кто-то из оборотней прибыл, а там совсем необычные звери водятся. Вот увидеть бы!

Кто-то настойчиво затеребил мой рукав, обернулся – Орринка, Урсункина подружка. В длинном нарядном платье, на голове венок.

– Чего ты, Орри? Вам скоро идти...

Девчонка, подняв ко мне лицо и придерживая рукой венок на голове, быстро зачастила:

– Гор, после превращения, когда будут вас мясом кормить, возьми у меня – я тоже буду мясо давать.

Сувор тут же развернулся, хмыкнул:

– А чё это у тебя? Будто у тебя вкуснее?

– Ага, вкуснее! Это мой отец с другими сегодня на охоту бегал. За зайцами-русаками, у них же мясо слаще. Специально к празднику – на стол и на кормёжку при превращении. Он сказал, на лопатке самое сочное мясо будет. Вот я и приготовила заячью лопатку.

Неудивительно, что Орринкин отец возглавил охоту. Он после Ррыка и отца самый сильный оборотень в деревне. А охота для праздника... так ведь праздник общедеревенский.

А Сувор совсем разулыбался:

– Ладно, Орринка, уговорила! Я к тебе обязательно подойду.

Девчонкины щёки запылали.

– Да я не тебе...

Дружок деланно нахмурил брови:

– Как это не мне? А кому?!

Орринка съёжилась, совсем тихо проговорив:

– Я это... Лагору...

– Ха, всё Лагору! А нас кто кормить будет? Так нечестно!

Пришлось мне вмешаться:

– Эй, Сувор! Это меня угощают! На мой кусок пасть не раскрывай! А ты, Орринка, беги, сейчас с вами шаманить будут.

Девчонка облегчённо вздохнула и, подобрав подол платья, побежала к подружкам – десятилетние уже заходили в ограду.

Рамиса, прищутив и скосив глаза, ехидно пропела дразнилку:

– Тили-тили-тесто, у Лагора Орринка в невестах! Слышь, Лагор, а на юге у людей, говорят, по несколько жён сразу держат – гарема называется.

Друг обнял меня за плечи:

– Эх, завидую тебе, Лагор! Все девки твои! Даже Орринка! Красавица Орринка смотрит только на Лагора! Имей совесть, хоть другу уступи! Ну, хоть одну!

– Сувор, друг мой, так и быть, дарю тебе... Рамису. Рамиска, пойдёшь к Сувору?

– Эй, превращенцы, чего расшумелись? Шаману мешаετε, – шикнул на нас наставник Рамон, следящий за порядком

на входе в ограду. – Им перекидываться, а они всё как щенки малые тьякают.

Мы затихли, но Сувор исподтишка всё толкался локтем, подмигивая. А Рамиска, зар-раза, мало того что на ногу наступила, за бок ущипнула, ещё и в ухо зашипела: «А я тоже к тебе хочу-у».

Так и пихались, подхихикивая, в ожидании. Рядом с друзьями было спокойнее на душе.

За своего зверя я совершенно не волновался, у нас уже года четыре как наладился контакт. Я довольно хорошо ощущал эмоции и чувства своего зверя. Бывало и такое, что его реакция на события не совпадали с моими. С чем это было связано? Наверно, из-за того, что реакции и чувства человека и зверя различны. Но мы оба с нетерпением ожидали сегодняшнего события.

И Сувор жаловался, что его зверь весь извёлся в нетерпении. Рамиса тоже нервничала.

Но вот уже зашли в ограду тринадцатилетние...

Позвали Сувора и Рамису, меня пока оставили томиться в ожидании. Наверно, оставили на «закуску».

Стоял, вытянувшись и сжав руки в кулаки. Ну, что ж так долго-то? За оградой слышался шум голосов, одобрительные выкрики, голос вожака, призывающего к тишине.

Наставник Рамон оглянулся на меня от ворот, негромко позвал:

– Лагор, пора...

Нырнул в ворота, шёл мимо земляков, ни на кого не оглядываясь, подошёл к жожаку, стоящему на середине большой площадки. Ррык ободряюще и даже с гордостью улыбнулся. Осмотрелся.

Площадка была огорожена лёгкими перилами, за которыми толпились оборотни и люди. Перед перилами на краю стояло только одно кресло, в котором сидела наша прабабка Мьяра и радостно мне улыбалась. Рядом с ней расположились Урсунa и Оррина, держащие в руках блюда с кусками сырого мяса.

Дальше Сора, сестра Суворa, кормила мясом молодого светло-серого волка – да это же Суворка! А вон и Рамиса в волчьей шкуре тоже вырывает куски мяса из рук своего младшего братишки.

За бабкиным креслом, уже за перилами расположились мать, держащая за руку Арыса, и Урус.

А вот это интересно! На краю площадки было установлено большое зеркало на подставке. Я его видел в горнице у знахарки Верены. Надо же, придумали, чтобы мы, обернувшись, увидели себя в облике зверя в полный рост! А я гнал от себя мысли, что это всё затеяно из-за меня.

Приобняв меня за плечи, Ррык спросил:

– Готов? Сосредоточься, торопиться не нужно. Если не получится, не стесняйся – помогу.

И отошёл на несколько шагов.

Я осмотрелся ещё раз, сотни глаз внимательно взирали на

меня. Присел, опершись одной рукой о колено, и кончиками пальцев другой руки о землю, опустил голову, закрыл глаза, постарался успокоить дыхание и отрешиться от окружающего – так нас инструктировали наставники в школе. Глубоко вздохнул и мысленно позвал, обратившись вовнутрь:

– Время пришло, выходи. Не бойся, я с тобой!

Почувствовал, что в какой-то момент не опираюсь рукой о колено, а стою руками и ногами на земле. По площадке от одной стороны к другой прокатился непонятный шум, похожий на изумлённое восклицание, и наступила тишина...

Я распахнул глаза и увидел прямо перед собой... удивлённые глаза коричневого цвета. Рога.

Рога?!

Переступил ногами и руками. Руками?

Напротив меня переступил копытами молодой олень. В зеркале.

Олень?!

Я вытянул шею, олень в зеркале напротив потянулся ко мне, чёрный бархатный нос зашевелился, пытаясь что-то унюхать. В нос шибанул сильный запах травы, изрядно истоптанной, потом накатила волна смеси запахов людей и звериных шкур. В ушах зазвенели голоса птиц и жужжание насекомых.

Раздался чей-то шёпот, прогремевший в ушах:

– Какой краси-ивый!

Я нервно дернулся, в зеркале напротив олень передёрнул

золотистой шкурой и запрядал ушами.

Вдруг послышались мягкие шлепки прыжков и низкое утробное рычание. Слегка повернувшись вправо, увидел, как на поле выбегают оборотни и сразу оборачиваются в волков. Вон ещё один.

Да это же дикие!

Взрослые оборотни, не проходившие «осознание». Да что взрослые! Вон и Мирак, дружок Арыса, перекинулся в толстолапного волчонка, к своим родителям пятится. Сразу и вожак у диких обозначился – Гром, волк-одиночка, уже немолодой, и шкура вся в шрамах.

Я стоял, ничего не понимая, когда рядом со мной возникли перекинувшиеся отец и мать. Увидел седую шкуру вожака, вот и Урус скалится на диких, целительница Верена, Арон, Орринкин отец, даже мать её – полярная лисица, и другие «осознанцы».

А это что такое? Бабка! Бабка Мьяра перекинулась! Старая волчица... Шкура совсем седая, кое-где даже с проплешинами, на холке шерсть дыбом поднялась, лапы тряслись от напряжения – того и гляди, свалится на землю, но рычит, рычит изо всех сил!

Бабка была ближе всех к диким. Гром рыкнул на старуху, и на меня накатило понимание, что бабку сейчас сметут и могут даже убить. Из-за меня! Диким я не понравился.

Да плевать! Не дам мою бабулю в обиду!

Один прыжок, и я перед самой мордой Грома. Наклонил свою – оленью, оскалил зубы и злобно зарычал, заревел. Я наступал на дикого, не прислушиваясь к звукам, только сосредоточился на волчьей морде с рваным шрамом, распахавшим нос и нижнее веко левого глаза. Краем сознания уловил, что моё горло издаёт какие-то странные утробные звуки, но сейчас самое главное, что этот дикий чуть не убил мою бабулю-у...

– Загр-р-ры-с-с-з-зу-угр-р-ры!

Волк и вся его свора медленно стали отступать. Гром сначала прижал уши, поджал хвост и, коротко взвизгнув, отвёл глаза. Я поднял голову, обвёл взглядом свору диких. Волки

прятали глаза и уже не скалились, поджимая хвосты.

Рявкнул коротко, но громко:

– Убью!

Развернулся к вожаку диких и шаркнул попеременно задними ногами, так что комья земли с травой полетели в морды диких оборотней, фыркнул презрительно через плечо.

Что-то есть захотелось!

Ага, вон девчонки. Ещё прыжок. Орринка с заячьей лопаткой в руках стояла, открыв рот. Чем это так пахнет? Хрм-рм, а травы в венке на Орринкиной голове очень даже недурны на вкус! Но чего-то не хватало.

Вот оно! Наклонился и выхватил кусок мяса из девчонкиной руки. Чвак-чвак, мням... Вкуснятина-а!

Оглянулся. Все присутствующие будто оцепенели, уставившись на меня круглыми глазами. У многих рты открыты, даже у волков. Насмешливо фыркнул и обернулся.

И только, когда все увидели меня в привычном облике, оцепенение спало. Народ зашевелился, волки стали перекидываться в людей. Вожак, напоследок рыкнув на диких, быстро обернулся и бросился к бабке, которую уже поддерживал отец.

Урус подскочил ко мне, хлопнул по плечу и захохотал:

– Гор, ну ты всех...

Меня за руку ухватили тонкие горячие пальчики, опустил глаза. Ну, конечно, Орринка! Глаза восторженно блестят, щёки разрумянились, в белых волосах застряла ромашка из

венка, шёпотом:

– Лагор! У тебя зверь такой красивый!

И тут накатило.

Зверь... ОЛЕНЬ!

Я – оборотень-олень!

Стыдоба-а!

Зажмурил глаза, застонал, стукнул кулаком себя по лбу.

Подбежала мама, обняла, прижала мою голову к своему плечу, а я-то уже много выше её макушки.

– Горушка, ты молодец! Вон какой красавец-зверь получился!

Сквозь зубы просипел:

– Мам, какой красавец? Какой зверь? ОЛЕНЬ! Сты-ы-ыдно!

– Ты не простой олень, ты – особенный! Вот увидишь, как всё ещё обернётся.

Сзади меня хлопнули по плечу, раздался негромкий голос жожака:

– Таруся, ну-ка, отпусти оборотня, – шёпотом добавил: – Ещё подолом ему нос утри. С ума сошла? Народ кругом, и гости высокие.

Мама отскочила, как ошпаренная, виновато закусив губу. Огрызнулась так же шёпотом:

– Гости, гости... Он мой сын, кровиночка моя! Кто ж его утешит? Гости твои?

Ррык нахмурил брови:

– Так, Лагор, подбирай сопли! Иди-ка, торжественно проводи главу рода к столу. Со старшими и с гостями не забывай кланяться, как вас учили. Взрослый уже, держи себя в руках, не смей ронять честь семьи!

Вспомнил: «...ты ишшо не большой, вот после праздника побольшеешь маненько. Как обернёшься, как покажешь, кто ты есть таков, так и большим считать можно...».

Напророчила бабка, как в воду глядела!

Мьяра встретила меня, радостно улыбаясь, расцеловала обе щёки. Изрекла во весь голос:

– Ты ж мой оленёнок, Горушка! Ух, какой зверюга у ты получился! Всем зверям зверь!

– Баб, ты ж потише, – старался утихомирить её. – Зверь и зверь... Пошли, к столу провожу.

Бабка уцепилась за руку, гордо оглядываясь на односельчан и гостей. Только мне все эти взгляды – у кого недоумённые, у кого приветливые, а у кого-то и злые – как ножом по сердцу! Не люблю я быть мишенью для пересудов.

Кинул взгляд на гостей, машинально отмечая расы присутствующих. Кроме наших деревенских оборотней и людей, мелькали в толпе косы до колен и причудливой формы уши многочисленных эльфов. Удивила мшисто-зелёная шевелюра, невесть зачем забредшего сюда дриада. Глаза невольно задержались на широких с просинью скулах двух орков...

В такой толпе не сразу бросались отличия оборотней

от людей. Наиболее значительной разница была видимой у взрослых мужчин.

А дети оборотней внешне ничем не отличались от человеческих детей. Ну, разве что в сильном возбуждении переверкнут глазами, как бывает у животных, у иных ещё зрачок может вытянуться.

А вот взрослого оборотня было легче угадать, особенно, в мужчинах. Просто у взрослых оборотней-самцов не было растительности на лице. Не знаю, зачем так распорядилась Зверяна. Видимо, в противовес густому шерстяному покрову в звериной ипостаси.

Ну, и выглядели оборотни – что мужчины, что женщины – моложавее своих человеческих сверстников. Причём, чем старше, тем большая разница видна...

Бабку посадили во главе стола, очень уж она не хотела меня от себя отпускать, но Ррык уговорил. Сказал, что негоже молодому оборотню, пусть и особенному, сидеть выше именитых гостей и управителей деревни.

Я, облегчённо переведя дух, отправился к столу молодых, к Урусу и друзьям. За столом было весело – нам, как взрослым, выставили брагу, только градусом пониже. Мне кажется, что я никогда ещё не видел своего брата таким весёлым и оживлённым. Торкнул его в бок и тихо спросил:

– Ур, ты чего весёлый такой? Даже нисколько за меня не стыдно?

Урус вытаращил глаза и зашипел:

– Чего стыдно? Кого стыдно? Я знаешь, как горжусь своим братом! Ты ж всем им доказал, что ты действительно особенный!

– Ага, особенный? Олень! Рогатый олень! Все нормальные волки, ну, там может, медведи, да даже лисы, а я один ненормальный олень. Тьфу!

При напоминании о лисах брат захохотал, сжал моё плечо и восторженно заговорил:

– Ага, волки да медведи... Да только те волки от этого бедного олешка чуть на месте не обмочились. Как ты их! Загrrр-рыз-зу!.. Да этот Гром на место Ррыка метит, всё гадости ему подстраивает, диких под себя подмял. А тут олень ему хвост прижал. Как он от тебя пятился да хвост поджимал! Ему ж теперь от оборотней совсем поддержки не будет. Здорово ты дядьке помог!

Вот оно как! Никогда не интересовался делами взрослых, действительно, как бабка говорит «маненький», а выходит, не зная, всё же помог вожаку.

Приободрившись от мыслей, что от меня и такого всё-таки есть какой-никакой толк, успокоился, постепенно втягиваясь в общее веселье.

* * *

Наутро жутко болела голова, потому сначала даже не понял, где нахожусь.

Над головой навис наклонный потолок из неструганных досок. Сам лежу на чём-то шуршащем – ага, сено, ещё прошлогоднее. Откуда-то из щелей пробивались солнечные лучи, в которых густой струёй закручивались пылинки. Похоже на сеновал. Только чей?

Повернул голову. На соседнем ворохе сена тоже кто-то лежал. Привстал, глянул, но тут же рухнул обратно, чувствуя, как лицо обдало жаром.

Рядом лежали полураздетый Урус в обнимку с Лийсой, той самой рыжей лисой-оборотницей, которую хаяла наша бабка Мьяра.

Смотрел какую-то секунду, а в памяти моментально запечатлелось.

Сливочная кожа Лийсы, нереально белая и нежная на фоне загорелого Уруса, и яркая медно-рыжая грива густых длинных волос лисицы. Полуголый Урус без рубахи, но в штанах, лежит на животе, уткнувшись в женское плечо. Одна нога закинута на Лийскины ноги, выше колен обнажённые из-под задранной юбки. А рука брата по-хозяйски расположилась на девичьей груди, едва прикрытой расстёгнутой рубахой.

От интимности подсмотренной картины перехватило дыхание, сердце часто-часто забилося, и даже головная боль куда-то на время отступила.

Пацаны, бывало, трепали языками про девок. Да только, кажется, разговорами всё и ограничивалось.

Частенько мы с дружками девчонок задирали – «зубы мыли» по бабкиному выражению. На грани приличия, когда от сказанного уши да щёки полыхали у всех, глаза блестели, но дальше ни-ни...

Вот, разве что, за купанием девчонок на речке подглядывали. Как они барахтались в полотняных рубахах в тёплой воде. Мокрые рубахи облепляли тело и сразу было видно, у которой девчонки грудь начинала расти. У которых и фигура уже не на стиральную доску, а на кувшин становилась похожа.

Девчонки в свою очередь за нами подглядывали, только и слышны были хиханьки из ближайших кустов. Штаны нам так поперепутывают да пояса поперевязывают, пока мы с пацанами плещемся в воде. Так что потом мы, сверкая белыми задками, не сразу могли разобраться, где чьи портки. А тем временем из кустов неслись замечания, у кого из пацанов что интересное мелькнуло. В общем мстили...

А потом после купания всей гурьбой, не торопясь, брели в деревню, до которой рукой было подать. Всей ходьбы-то – пять минуток неспешным шагом. Только у компании будто отшибало память – все направлялись по домам самой дальней дорогой вокруг деревни...

Приподнялся ещё раз. Стараясь не смотреть на брата с лисой, огляделся. Ага, выход с сеновала с моей стороны.

На четвереньках, стараясь не шуршать сеном, прокрался к лестнице. А сеновал-то наш! Это что же вчера было-то?

Как я в такой компании на сеновале очутился? А раньше мы с братом часто тут ночевали, пока он не начал бегать на игры в Лийскин двор... И чего вдруг бабка её невзлюбила?

Ох, а голову-то как разламывает! Помнился перекид... олень... ОЛЕНЬ! Дикие... застолье.

Брат, весело балагурия, разливает брагу по кружкам. Откуда-то из-за пазухи украдкой достаёт флягу. Оглядываясь на старших, понемногу что-то плещет в каждую посудину. Потом делает знак нам, молодым оборотням, чтобы разбирали кружки.

Музыка... девичьи руки, тянущие меня в круг... чьё-то жаркое дыхание, губы... плач Орринки: «Отпусти! Отпусти его! Он не хочет с тобой! Я всем расскажу, какая ты...».

Всё! Дальше не помню.

Еле добрёл до крыльца, плюхнулся на ступени. Слава Си-янию, в это время суток крыльцо укрывалось в тени, солнце добиралось до него только ближе к вечеру.

О-ох, как плохо-то – голову ломило, кишки в животе в комок стянулись.

– А чегось, Горушка, за головку-то держисьси? Брага-т на вашем столе совсем никакая была... Компот прям, а не брага. Неуж, не доглядели, винцо вам выставили? Аль самогону кто дал? Ужо, скажу Ррыку-то, пошто молодых портют...

– Баб, это...

Ох! Голову не поднять! Да что б такое придумать, чтобы бабка вожаку чего лишнего не сказала?

– Баб, ну, мы сами там бутылку какую-то нашли, попробовали... интересно ж.

– Ишь ты, попробовали! Пробовальщики... Я ж смотрю, рожи-т у молодых больно красны-то стали... Которы девок прям на кругу цуловать принялись... Срамота!

– Ба-аб, голова трещит, у тя травки никакой не заварено? Пить хочется...

– Иди-ползи на кухню-то, там кринка с рассолом капустным стоять. По такому делу рассол – самое наилучшее средство... от бутылей найденных.

Бабку не переспоришь! Да и я не в том состоянии, чтобы перечить.

А кухня-то как далеко у нас устроена! Раньше никогда не замечал... Ох! Наконец-то, добрался. Вот он – капустный рассол... холодненький, кисленький... самое то!

Под бабкино ворчание голову потихоньку стало отпускать, и животу полегчало. Всё ещё придерживая голову рукой, сидел на лавке, наслаждаясь ощущениями. Невольно вспомнил Уруса с Лийской.

И что меня торкнуло спросить?

– Баб, а ты чего так Лийсу невзлюбила?

Бабка так и застыла возле ларя, из которого доставала хлеб, напечённый матерью впрок. А после развернулась и села на ларь, как на лавку – за что нас, детей, всё время ругала нещадно.

– А ты чегось Лийску-то помянул? Аль опять Уруска с ей

любится? Вот, лисица окаянная! Опять парня с панталыку сбивает! Зараза такая! Сколько ж вокруг её оборотней вьётся – бери любого. Так нет ведь, никого не подпускает, с Уруской по углам тискается, а его из-за её, того и гляди, порешат...

– Баб, ты чего говоришь-то? С чего это Уруса порешат?

– Да ты глупый штоль совсем, Горка? Вспомни-к, пять днёв назад – каков Уруска домой-то приполз? Весь рваный да покусанный... У его ж и ребра поломаны были, лапы совсем не шли... Говорю, приполз, дружок евоный приволок! Таруся ему траву оборотную заваривала. Так отделали, что без травы обернуться силов не хватало!

– Да меня дома тогда не было. Мы с Сувором да другими в ночное подались...

– Во-во, ночное... а дома был бы – полюбовалси бы на братца-то! Ладнось, мы оборотни, обернулся – и нет ничо, а если б человеком был? Как есть, помёр бы от таких битьёв!

– А кто его и за что?

– Ну, правда, Лагор, маненький ты совсем – как есть малец. Это ж надо, у оборотнихи течка, а тебе и нет ничо, даже носом не повёл...

– Баб, да скажи толком – при чём тут оборо... Баб, это у Лийски течка была? И Урус опять ходил на игры?

– Дошло! – бабка аж руками всплеснула. – Он к ей на энти жениховские игры кажный год бегаёт! Как заневестилась лисица в пятнадцать, а ему ж тады только двенадцать сполнилось – щенок, как есть щенок – а туды ж, побёг. Он же та-

ды ишшо не оборачивался даже, так в человечьем виде и побежал! Ох, деревенские и насмешничали! Там такие волки матёрые, а он... – всхлипнула, – они ж его из жалости не загрызають. Прикусють лапу аль хвост, да измываются всяко, по двору лискиному катають, как шарик, да елозят им навроде веником. Он же каженный раз еле приползает.

Да видел я... Из-за тех унижений брата на Лийскиных игрищах я не любил такие сборища. Хотя раньше, как и все мелкие пацаны, бегал поглазеть на драки претендентов на девушек. И азартно обсуждал с друзьями шансы соперников. А вида поражения старшего брата не переносил. Понимал, что мальчишка – не соперник взрослым оборотням, но не терпел их глумления над Урусом.

– А Лийска что?

– Чо-чо... Не выходит ни к кому! Уж пятый год пошёл... фырчит из окна на женихов-то... они дерутся меж собой, выделяються, хвостами перед ей метут... а она фырчит на них, из дому носа не кажет, пока течка не пройдёт, а потом по кустам с Урусом обжимается. Изведёт его эта лисица. Ты штоль ничё не замечал?

– Да я...

– А и ладно, успеешь ишшо наиграться. Заматереть ишшо надобно перед игрищами-то, а то костёв не соберёшь.

Я что? Спал всё это время? Вокруг меня столько происходит – «дикие» под Ррыка копают. Знаю, что у Уруса любовь давняя. Но чтобы всё зашло так далеко, что брата, того

гляди, порешат...

Спросил про лисицу:

– Баб, Лийска – лисица рыжая, а тётка Верена, её мать – волчица, а отец кто?

– У Верены мужа-то никогда не было, она всю жизнь по Ррыку страдает. А Лийска у её приёмная, да и всем эт известно. А ты никак опять ничо не знашь?

Виновато похлопал глазами. Мне сроду не интересно было, кто по ком вздыхает. Намного интереснее было, когда с дружками в лес подадимся в охотников играть.

– А откуда ж Лийса взялась-то у знахарки?

– А эт, кады Уруску скрали, ему тады токмо три годочка было...

– Чего? Уруса украли?

– Ага-ага... Значит, ты ж тады токмо народился у Таруси, она с тобой тетёшкалась, а Уруса-то во двор поигратыся вывела, котёночка ему дала – кошка тоже приплодила. Время к обеду. Мамка-т кашку наварила, да за дитём во двор. А во дворе только котёнка маячит, а Уруса-то и нет! Сараи закрыты, и ворота с калиткой прикрыты, дитё само не откроеет. Замков-то отродясь не вешаем – нету таких дураков, у оборотней воровать. А тут нашлись, дураки-то! Таруся унюхала чужой дух да взвыла так, что Арит с Ррыком с другого конца деревни в момент примчались. Да и деревенские сбежались – как же, дитё пропало! Так сворой и след взяли, а за деревней-то и потеряли. Ворюги знали всё ж, к кому полезли, па-

хучего табаку сыпанули. Да не дотумкали, что от табаку у пса нюх отшибёт, а оборотню прочихаться, круг сделать, и он опять на след станет. Ну, те ворюги уже далекомько отбежать успели, на конях ускакали. Всё норовили погоню запутать – то разбежуются, то сбежуются, да табак и травы пахучие сыпят. Только оборотню то не помеха, всё равно догонют. День и ночь без роздыху гнали, одни попеременки оборачивались, а другие на конях скакали... – бабка приложилась к кружке с квасом, видимо, в горле пересохло.

– А кони тоже без роздыху?

– Тадысь новый маг приехал... Да ты его знашь, наш Тимофеич. Он тоже погнался, у ево травы волшебные какой-то были, вот он их в зубы коням и сувал. Говорят, едет, руками машет, чевой-то бубнит, а у всех сил прибавляется – и ходу! Кады ворьёв энтих догнали, Тимофеич без сил свалился, наши его домой в телеге везли. А у ворьёв навроде зверинца было. По клеткам зверьё разное сидело. А в одной клетке наш Уруска и лисичка маненькая. Лисичка мелкомькая в ошейнике, а хвостик у ей почти наполовинку отрубленный. А из ранки-то сукровица бежит. Наши-то клетку открыли, а лисичка тьякает. Зубки-то молочные, щекотные, а она рычит, прям по-сурьёзному, кусается! А сама Уруса-то в уголок задвигает да собой загораживает – защищает, значит...

От жалостливых воспоминаний бабка сама взволновалась, захлюпала носом.

– Маг-то сразу понял, что у ей за ошейник – против обо-

роту. Ошейник сняли, а она не оборачивается. Потом унюхали – у ей и в миске с питьём снадобье противу оборота нали-то было. Она ишшо два дня лисичкой-то была. Верена тады совсем молодая была, тоже со всеми ворьёв догоняла. Всё с лиской возилась, хвостик перевязывала да тетешкалась. Всё хотели проведать, откуда ж в зверинце дитё оборотня? Да наши, кады ворьёв догнали, сгоряча-то на месте всех и порешили, и спросить не с кого. Тимофеич сказывал, бывают такие шаманы – икроматы, которы с мёртвых чево спросить могут. А у нас нету таких.

– А Лийска что сказала?

– Да чо дитё после таких мученьев скажет? Как перекинулась, беленька, крохотная, худющая, одни глазищи зелёные на лице да волосёшки, что огонь. Говорит, то ли Лийса, то ли Вийса. Только и лепечет: «Лийса-Вийса». А видать, раз перекинулась, то годков пять-шесть есть, а больше ничё не знаем. Уж сколько годов-то прошло – никто её не ищет. Вот и думаем, что ворюги те её родителей порешили, а её, верно, магам на опыты везли, и Уруску покрали для того же... А зверёв выпустили с клеток. Правда, не все в лес-то побежали. Да ты ж нашего Волчка помнишь, он в прошлом году сдох – вот он из тех. Увязался за Ррыком, верно, вожака признал, так у Ррыка поначалу во дворе и жил. Ррык его потом к нам привёл, потому как сам – то здесь, то уезжает. И покормить-то волка может забыть, у него ж и скотины сроду не было.

Я вспомнил нашего угрюмого сторожа, что жил во дворе. Он, действительно, никогда не играл, домашних не трогал, но и панибратства не позволял. Аккуратно освобождаясь от детских ручонок, нырял куда-нибудь под сарай, чтобы не достали. И только при появлении Рыка оживлялся, ходил следом, не сводя с него глаз, и с радостью бросался выполнять нехитрые поручения жоака – привести того-то или унести что-нибудь тому-то. И никогда не ошибался, хотя был простым зверем.

Впрочем, он довольно долго прожил для волка – надо бы спросить у отца или Рыка...

– ...Верена-то и приютила девчонку. А рыжая эта только с Вереной да с Урусом ласковая. Сам, чать, слышал, как языком чешет. Ты ей слово скажешь – она те десять, иной раз не посмотрит, что старше...

Да уж, всем в деревне ведомо, что Лийсу лучше не задевать, а лучше всех это знают несостоявшиеся женихи. Хотя вот который год, только начинается течка у лисицы, а уж полный двор оборотней.

А ведь по годам Лийска считается перестарком, но желающих не становится меньше. Неужто, лисица и впрямь ждёт, когда Урус в силу войдёт?

Вспомнилась картина на сеновале, да так ярко, что опять кинуло в жар. Так ведь, действительно, Уруса могут убить.

В этом году Гром к ней в женихи набивался. А он зверь матёрый, злой и хитрый, с ним мало кто потягаться может.

Да и я бы даже и не подумал с ним спорить, я ж – щенок против него. Вспомнилась радость Уруса и моя стычка с дикими – я даже не понял, на кого пошёл, сгоряча заступился за своих.

– Да видать, девчонка-т не из простых...

Это о ком бабка говорит? А-а, всё ещё про Лийску.

– За стол-то, как вперво раз сели, она на краешке стула присела, спинка пряменько-пряменько, ручки сложила по-благородному. Каша-то простая, овсяная. А она ложечку так красиво ручкой-то взяла, понемножечку в ротик накладывает. Не хлопает, не дует на кашу и не сопит. Пряма вся такая, как картинка. После еды «спасибо» говорит. А вот работу какую, там полы помыть аль посуду, ничё не умела, всему её Верена учила. Видать, с прислужниками жила. Вот вся такая благородная, а не искали никто... А может, издалеча привезли... Илка у ей есть.

– Чего?

– Илка. Да ты ж видал, Уруска тоже теперь илкой в мясо тыкает.

Вспомнилось, что, действительно, брат за столом ел не просто ножом, а с помощью приспособления, похожего на маленькие вилы. Вилка, вот как называется. Ну да, уже год как пользуется, мне как-то всё равно было.

– Это всяки благородные илкой-то кушают, а она и Уруса приохотила. И ведь не ищут... А гости на празднике-то тож илками тыкались... Оборотень заморский был, хвастал, тиг-

рой перекидывается. Тигра – эт кошка полосатая большая, незнай, страшная аль нет. Ррык про тигру сказывал. А с ём маг заморский, сам важный, а всё про тя выспрашивал – чё да как. Ну, там Ррык с Ариткой отбрёхивались...

Чего ещё бабка понарасказывала бы – неизвестно, в дври ввалился Арыска. Взлохмаченный, рубашка разодрана, штаны на коленке порваны, один глаз совсем заплыл, ободранным кулаком под носом кровь вперемешку с соплями подтирает. Тихо всхлипывая, упрямо супил брови.

– Арыс! Арыска, чевой-то с тобой сдеялось? Кто ж те рожу-то начистил?

– А чо... а чо! Он предатель! На нашего Гора напал! Ы-ы-ы...

Не выдержав, братишка заревел басом, размазывая по ссадинам солёные слёзы, добавляя сукровицу из носа – щиплет же ссадины, поморщился я.

– Ты ж смотри, Лагора защищал! Ах, защитник ты наш! Правильно в морду им дал, своих защищать надо. А ты тож ему наподдал никак?

Слёзный поток моментально иссяк.

– Я ему в ухо дал! А потом по кумполу... и пинул по заду, когда он пошёл. Вот! И ещё врежу, только придёт играть! – размахивал руками, показывая, как дрался, Арыска и не заметил, что уже сидит у меня на коленях.

– Да никак ты с дружкой своим Мираком сцепился?

– Он мне не дружок теперь, он – предатель! Он на нашего

Гора напaдал!

– А чево ж он предатель-то? Гор ему кто? Никто. Эт тебе он – братка любимый, а Мираку он не нузон! – на этих словах мальчишка опять сдвинул брови и сжал кулачки. – А там мамка с папкой евойные любимые! Как же он их-то предаст? Никак нельзя папку с мамкой предавать, хоть ты сто раз ему дружок.

– Так чо ж, папку не предавал, да. А на Гора-то нашего напaдал!

– Вот за то, што он на брательника твово напaдал, ты правильно ему всыпал, только он не предатель. Разумеешь отличья-то?

– Разумею. Баб, я ему ещё всыплю и игратья с ним не буду!

Насчёт «всыплю», похоже, всё наоборот. Скорее, Мирак всыпал Арыске. Как-никак, он уже перекидывался, а это уже давало перевес в силах. Надо бы позаниматься с братишкой, научить приёмам в драке.

– Ты, Арыс, большой уже! А большие, они только за волчицу дерутся.

– Ещё за жоака... – Арыска перебрался поближе к бабке, а я тихонько улизнул от вопросов и ответов.

* * *

Вечером Урус передал наказ жоака прийти с утра на за-

нятия.

Я разлёгся на траве у ручья, протекающего позади нашего ряда домов. За ручьём начинался луг, на котором деревенские выпасали коз да гусей – всякую мелкую скотину. А дальше шёл лес, перемежающийся выпасными лугами. На тех лугах росла столь отменная трава, что все понимающие, видевшие луга впервые, поражались. Ещё бы! Трава там была по пояс самому высокому человеку. Мягкая, не грубая. Что важно, ядовитых для скотины трав почти не было. Такие благодатные пастбища трудно найти.

Вот на этих лугах и паслись основные стада коров и лошадей, принадлежащих деревенским и нашей семье в том числе. Там-то и подрабатывал Урус пастухом-табунщиком до поры. Вчера да сегодня брат отдыхал. Кому пастушить на время праздника, табунщики бросали жребий, от которого Ура благородно отстранили – все понимали, что брату «особенного» необходимо быть на празднике.

Отец вместе с Ррыком и сегодня встречались с гостями да посланниками, всё вели какие-то переговоры – чую, в тех переговорах не однажды перемыли мне все кости. Мать с другими женщинами тоже находилась где-то возле отца с вожаком – гостей необходимо было и накормить, и напоить.

А ко мне приходили друзья. Вспоминали праздник, делились тем, кто что услышал, кто чего увидел, кто с кем ушёл. Смеясь, вспоминали, как мы все с девчонками удрали от взрослых к овину, играли в бутылочку с поцелуями. Как Ра-

миса, Варина и Орринка – вот егоза, втёрлась-таки в игры старших – мухлевали, чтобы поцеловаться со мной. И как кузнецова дочка Христя, видя такое безобразие, вытащила меня из круга, уволокла за овин, да там сама накинулась с поцелуями, уже начала и кофту на себе расстёгивать. А Орринка, визжа, бросилась в драку с этой Христей.

Конец Христиным притязаниям положил Урус, вдруг появившийся из-за того самого овина. Верно, они с Лийской там устроились, а тут мы!

Парни долго хохотали после моего признания, что мало что помню из того, что происходило после застолья, и с кем из девчонок целовался, смеялись: «Только им не говори!».

Друзья уже ушли, а я сидел, смотрел на закат, ручей и луга. Мыслей никаких не было. Было просто хорошо!

Урус пришёл и устроился рядом, когда заря уже догорала. Откинулся на пологую кочку за спиной, потянулся. Вид у брата был довольный, в сгущающихся сумерках глаза его пересверкивали по-волчьи.

– Хорошо-то как...

Помолчали.

– Ррык передал, что завтра с утра ждёт тебя на занятия.

– Так быстро?

– Знаешь, там такое творится...

– Где? С кем?

– Ты же сегодня со двора, считай, не выходил. А в деревне из-за этих гостей дым коромыслом стоит. Ррыку с отцом до-

стаётся, – хмыкнул. – Представляешь, маг из Бормита свою дочь за тебя сватает! Говорит, звездочёты напророчили ей выйти замуж за великого оборотня!

Глядя на моё ошеломлённое лицо, расхохотался от души.

– Лагор – ты сейчас самый завидный жених по всем государствам. Как принц или король! К тебе как обращаться? Ваше Величество или ещё как? Ты только скажи... Ха-ха-ха! Говорит, дети великими магами буду-у-у...

Урус согнулся, хохоча в голос, а у меня волосы дыбом встали от перспективы женитьбы. Да ещё на неизвестной девице!

– А-а вожак что говорит?

– Говорит – мал ещё, не дорос... женилка не выросла... Ха-ха-ха-а! Так и говорит, – Урус от хохота совсем обессилен, из глаз уже слёзы текли.

Кое-как успокоившись, пояснил:

– Это он сказанул, когда маг совсем на него насел – мол, дочь в самом соку, самое время замуж выдавать. Говорит, звездочёты не врут.

– А Ррык что?

– А Ррык говорит – раз звездочёты не врут, то значит, так и будет. Говорит – мы тоже звездочётов спросим, мол, не думали так быстро женить, а теперь спросим.

– Ур! Да что ж такое творится-то?! Зверь ненормальный, да ещё женить хотят! Зачем мне-то это всё?! Я обычным быть хочу-у...

– Но-но! Зверя не обижай! Ты его ещё толком не чувствуешь, а вот прислушайся к себе, каково ему! Он у тебя послушный и правильный, а ты его так... как предаёшь... – с Уруса всё веселье как ветром сдуло, на скулах желваки застыли, и глаза зло сощурились.

Я прислушался к себе и показалось, что слышу тихое сопение, как будто, всхлипы... волной откуда-то изнутри наплыла обида... Вроде, долго-долго копилась, и вот именно сейчас осозналась.

– Я правда его обидел.

– Ты себя обидел! Он – часть тебя, и выходит, ты сам себе не понравился, сам себя невзлюбил... сам себя предал! Нельзя так, Горка! Он же теперь опасаться станет всего. Обычные олени в лесу волков обязательно опасаются, и никакому рогатому в башку не придёт – на волка напасть. А твой зверь, не глядя на такие правила для оленей, на целую стаю попёр!

– Да я из-за бабули, за неё испугался, вот и не думал...

– Не думал он! Да пойми ты, есть звери и есть мы. У зверей свои законы, а мы-то сначала люди, потом только звери... Ну, не знаю, как тебе это объяснить! Понимаешь, да будь твой зверь хоть хомячком, он всё равно также поступил бы, и волки также бы отступили! М-м, ну как тебе ещё сказать? – Урус даже головой замотал в отчаянии.

Но до меня, наверное, что-то стало доходить:

– То есть, важен не вид зверя?

– Да, характер... решимость... Важно, что ты не испугал-

ся и попёр на них. Это для «диких» важна видимость, и они считают себя сильными, потому что они волки. Они не понимают, что важнее не сила лап и челюстей, а характер... э-э-э, сила духа, вот, – помолчав, – потому, Гром и не станет никогда вожаком, потому что в душе опасается и трусит. Он только исподтишка гадить может.

Да-а, выдал мне брат!

– Ур, а когда ты ходишь на игрища к Лийсе, то...

Глядя в ночное небо, волк расцвёл мечтательной улыбкой.

– Лийса... – имя лисицы было произнесено с нежностью. –

Я люблю её, Горка! И, кажется, уже больше никак, а я всё больше и больше её люблю! И никому не отдам! Гром в этом году приходил на игрища. Ты думаешь, ему лисица была нужна? Как же? Он знал, что я там буду. Я каждый год к Лийске прихожу. Я ведь, когда совсем пацаном был и ещё не перекидывался ни разу, знал, что не дорос до жениховских игрищ, но не мог её уступить. Всегда дрался за мою лисичку. И почти всегда мне доставалось. И Гром пришёл покуражиться, чтобы Ррыку досадить, унизив племянника. Только просчитался «дикий»! Да, мне досталось от него, но и я ему меток наставил! Видел, верно, у него шрам через всю морду? Это я ему метку поставил! Как только глаз уцелел? Получилась у нас ничья, а Лийса ко мне вышла. Представляешь? Лийса теперь моя! И никто теперь не поспорит. Я, как только очухался, Лийсу к Зверяне повёл, попросил её в невесты.

– А?

– И богиня разрешила! Вот, смотри! Это начальная метка! – брат сунул мне под нос левую руку, на котором с тыльной стороны и впрямь красовалась какая-то загогулина.

– Подожди, Ур. А бабка не знает. Волнуется за тебя, боится, что убьют из-за Лийсы. И если Лийса тебя выбрала, да и богиня согласилась, то почему вы ещё не вместе?

– Не вместе? Отец с Ррыком сказали, что после твоего оборота объявим, к камню при всех пойдём, а свадьбу ещё и по-людски сыграем. Я сначала обиделся, а сейчас вижу, что действительно, столько хлопот им от твоего оборота. Гости ещё эти...

– Да что такого особенного с моим оборотом? С чего столько гостей понаехало? Кто я им? Ну, пусть особенный. Вот олень получился... и только. Для этого нужно было в такие дали тащиться, аж, из самого Бормита? Никак, месяца полтора, а то и все два, добирались. Оно того стоило? Ррык говорил, что и наш князь постоянно обо мне справляется. Зачем я им нужен? На диковину посмотреть? Больно хлопотно, да и накладно!

Урус, помолчав, задумчиво произнёс:

– Краем уха слышал я, что нам не всё, что в пророчестве сказано, говорят. Видать, что-то совсем серьёзное там сказано, и ты там каким-то боком – вот и наблюдают. Наверно, от тебя какое-то важное дело зависеть будет.

– Да я мальчишка ещё!

– Не скажи, Лагор. Вроде бы и пацан, да ещё олень, уж

точно не хищник, чего бы там бабка ни говорила, – хмыкнул, – но в четырнадцать лет, да в первом обороте ни один оборотень против стаи не выстоял бы.

– Ур, да говорил же, не специально я.

– А такое специально и не сделаешь. Оно само собой только может получиться.

Слова Уруса про пророчество подтвердились уже на следующий день. А пока мы пошли домой ужинать.

После праздника

Ох, и обиделась бабуля на Уруса за то, что тот ничего ей не сказал про Лийскин выбор. Она и услышала-то эту новость нечаянно от матери этим же вечером, когда та посетовала, что хлопоты не заканчиваются.

– Только Лагору «обращение» справили, да вот уже и Урусу свадьбу делать надо.

Бабка ахала и охала, что вот уже вся деревня слышала про скорую свадьбу, а она, родная прабабка, вынянчившая этого самого правнука, знать ничего не знает:

– И вот прям, как старая дура была бы, кабы кто с деревни спрашивать начал бы. И как эт так сверсталось-то, что никакая баба ишшо не спросила? Никак Горушке, оленёнку моему, ишшо косточки перемывают. А кабы спросили? А? Позору не оберёшься, родну бабку обошёл такой вестью!

Уруса было жалко, я никогда ещё не видел своего брата таким виноватым.

– Баб, вот ей-богу, мы тебе сюрприз сделать хотели! Да только...

– А-а, и сюриз ишшо какой-то, да всё мне на мою стару голову. Ростила, холила внучка старшенького и вот оно...

Мать, тоже чувствуя свою вину перед старшим сыном за то, что проговорилась ненароком, вступилась:

– Баб, да успокойся ты. Сюрприз – это подарок неожидан-

ный, радостный, значит...

– Ха, подарочком одарить, значить, решили?! Эт, кады Лийска в подоле уже притащила бы? На те, бабка, подарочек, сюрриз называется! Уж все вокруг языками перетёрли, а родна бабуля ни сном, ни духом...

Урус не выдержал, бухнулся перед бабкой на колени, та так и застыла с открытым ртом.

– Баб, прости ты меня, неразумного. Не хотел я тебя обидеть! Честное благородное, вот прям сегодня собирались объявить. Ррык с отцом наказали объявление сделать только после оборота Лагорова.

Ррык с отцом легки на помине, как раз зашли в дом да так и замерли на пороге, узрев Уруса на коленях перед бабкой.

Услышав последние слова, вожак подтвердил:

– Да, мам, ты уж прости, но соединение и свадьбу Уруса мы немного отодвинули. Сама видишь, сколько хлопот с приезжими гостями. Лийса, вроде бы, не в обиде. Взрослая уже, понимает такие обстоятельства. Да и не на годы, только на несколько дней задержка.

Урус, уткнувшись в бабкины колени, пробубнил:

– Баб, мы с Лийсой первенца нашего в твою честь назовём, всё равно, кто будет.

Ошарашенная бабка перевела глаза с вожака на Уруса, погладив его по голове, растроганно всхлипнула:

– Сам-то ишшо из пелёнок давно ли вывалилси, а туды ж, уж первенца называть, ты его поначалу сделай...

Урус, пользуясь только что полученным благорасположением, подхватился:

– Баб, я за Лийсой побегу. Чтоб всё честь по чести было.

– Ну, бежи-бежи. Жених, а никакой солидности – всё носится, всё бегаит...

* * *

Спозаранку, выгнав скотину в деревенское стадо, мать разбудила меня. Урус уже ушёл на дальнее пастбище. Прихлёбывая молоко из кринки, я посочувствовал брату, вынужденному подняться в такую рань, да ещё после того, как вчера засиделись допоздна.

На Лийсу и Уруса, восседавших возле бабки за столом, уставленном снedyю, было интересно смотреть. Лисица была непривычно тихой и молчаливой, глаза её не отрывались от жениха, изумрудно посвёркивая. Урус тихо млел, бережно держа лисицу за руку, лицо его сияло. Никогда не видел своего брата таким счастливым!

Кроме простой любви к своей семье, я ещё не знал других привязанностей. Конечно, видел отношения мужчин и женщин в деревне, парней и девчонок, но были они какие-то... приземлённые что ли, иногда откровенно некрасивые. Временами казалось, что ничего особенного и не представляет эта, так называемая, любовь.

Но, глядя на брата с Лийсой, начал понимать, что, навер-

ное, не всё так просто. Опять же, если взять отношения отца и матери – ровные, уважительные, с долей юмора. Да и бабуля рассказывала, что с мужем у них была любовь истинной пары – а это вообще из области легенд. Значит, что-то всё-таки есть во всех этих страстях?

М-да, мне ведь тоже когда-то встретится девушка, которую я полюблю? От этой мысли я малость офигел. Ну, никак не укладывалось у меня в голове, что я могу относиться к какой-нибудь совершенно чужой девчонке так... как, например, Урус к своей Лийсе.

Вот именно! Лийса-то своя! Вредная, языкастая, но одновременно своя, знакомая с детства. И даже на такую вредную мой брат смотрит с бесконечной нежностью!

Я попытался представить, как смотрю с нежностью на... да на Варинку, хотя бы. Нет, на Христю... А-а-а-а! Да на малолетнюю Орринку приятнее смотреть, чем на Варинку и Христю вместе взятых! Ну их всех! Лучше совсем никого не представлять.

По другую сторону стола, напротив жениха с невестой расположились мать и Верена, то и дело всхлипывающие – то вместе, то попеременно. Отец пристроился возле матери, которая тут же уткнулась мокрым носом ему в плечо.

А Ррык присел рядом со знахаркой и, вроде бы ненароком, приобнял её, что-то проговорив на ухо. Та, опустив глаза, засмушалась, щёки полыхнули румянцем.

Интересно. Помнится, прабабка говорила, что Верена по

Ррыку всю жизнь страдает. Может, закончатся её страдания? Да и Ррыку давно пора личную жизнь налаживать. Отчаянно хотелось добра этому сильному волку, который был для меня даже роднее отца – настолько он был близок нашей семье. Да что там, он и был нашей семьёй!

Сколько себя помню, Ррык постоянно присутствовал в нашей жизни, ничего в семье не решалось без него. Он был вожаком оборотней в деревне, верховным вожаком всего ареала оборотней и неформальным главой нашей семьи. Отец, сильный и властный волк во многом, физически равный дяде, а, может, даже и превосходящий его по силе – он, тем не менее, безоговорочно признавал главенство вожака и полностью поддерживал его.

Во! Поймал себя на мысли, что даже про дядьку думаю с большей нежностью, чем про знакомых девчонок. Конечно, он же мне родной, а те совсем чужие.

А-а, так нужно встретить такую, которая родной мне покажется? Хм...

Вообще-то у оборотней принято обходиться без сватовства и всяких свадеб. Это у людей наворочено всяких обычаев да обрядов, ритуалов разных – всё, чтобы найти причину поприрадовать покурлесить.

А оборотни обычно проще обходятся. Сходят молодые к камню Зверяны, отдадут по капле своей крови, богиня их и поженит, поставив парные метки. Такая вот свадьба оборотней!

От величины и места расположения меток сразу видно, насколько пара подходит друг другу. Зверьяна и пошутить может. Поставит метки на пятках. Или под мышками. Отец, смеясь, рассказывал, как видел супругов с метками на ушах.

Но так, говорят, раньше соединялись.

Нынче же, по-новомодному принято заручиться предварительным разрешением у Зверьяны, получить начальные метки. А потом уже можно свидетелей приглашать на соединение, чтобы все желающие могли лицезреть момент одобрения богиней. Вот эта самая мода на свидетелей и пришла к нам от людей.

– Будто знаку богини доверье потеряли, – ворчала бабка Мьяра, но сама же горячо пожелала присутствовать на соединении у камня. – Порадуюсь за внучка. Авось и Зверьяну прочувствую! Давненько я с ей не встречалась.

Хм, вот так вот запросто с богиней повстречаться? Похоже, бабуля много что может!

Ритуал сватовства тоже пришёл к нам от людей.

Само сватовство было проведено не совсем по правилам. По-людски положено было делать обряд у невесты дома. Но из уважения к главе рода, старейшине оборотней – нашей прабабке Мьяре – Верена совсем не была против нарушения обычаев. А Лийсе, похоже, было абсолютно наплевать, как всё происходит – по обычаям или нет – главное, наконец, она с Урусом вместе, и богиня своё разрешение дала.

Их нежная и столь долгая привязанность друг к другу по-

ражала и удивляла. Пожалуй, ни с кем Урус не был так близок, как с рыжей лисицей. Я, бывало, даже иногда ревновал брата.

Ещё детьми они раз по десять на дню бегали друг к другу по каждой малости. Урус старался придумать любую причину, чтобы лишний раз сходить в дом к знахарке. Да и голосок Лийсы частенько звенел в нашем дворе, а рыжая огненная шевелюра резко выделялась среди наших тёмных голов за обеденным столом.

Бабуля верно говорила – было что-то другое, отличное от других деревенских, в поведении лисицы. Несмотря на бойкий характер, она во время еды всегда вела себя чинно, не болтала, ела очень аккуратно – не таскала куски из соседней тарелки, не чавкала и не чмокала. Даже мама, по-моему, подбиралась в её присутствии и тоже старалась вести себя соответствующе.

А уж сколько нареканий мы выслушали от матери и бабки за поведение, когда нам в пример ставили Лийсу.

Было дело, я, семилетний мальчишка, налетел с кулаками на лисицу. Она уже вступила в подростковую пору и была много выше меня. Уж больно достали тогда нравоучения старших с экивоками на Лийсу, как нужно вести себя. Ну, и не нашёл ничего лучше, как выместить свою досаду на рыжей девчонке – причине многочисленных выговоров и наказаний, как мне тогда казалось.

Урус не дал даже один разочек стукнуть рыжую, так на-

валял мне, заступаясь за подружку, что после того случая я стал десятой дорогой обходить лисицу. С тех пор и стал избегать общества Лийсы, стараясь не вникать в события, так или иначе связанные с ней. Вот и прошляпил тот момент, когда нежная дружба брата и лисицы переросла в любовные отношения.

И ведь смеялись над ними в деревне, особенно в пору, когда Лийска стала подростком. Девчонка вытянулась и стала выше Уруса на две головы. И всё равно, эти двое ходили по деревне, держась за руки.

Уже тогда, услышав очередную колкость, брат кидался с кулаками в защиту подруги, несмотря на рост, возраст и количество насмешников. И часто ходил битый, с синяками, пока не начал оборачиваться. Сразу добавилось сил и скорости, да и побои моментально залечивались оборотом.

Может, такая истовая самоотверженность друга и покорила сердце лисицы? Лийса упрямо гоняла многочисленных женихов и вопреки обычаям встречалась с парнем младше себя, что осуждалось деревенскими. Но мало-помалу односельчане свиклись и даже стали гордиться такой примечательной парой.

Года три назад отец взял меня с собой на мельницу за мукой. А там я подслушал, как Рона, волчица с другой улицы, рассказывала тётке из соседней деревни про брата с подружкой да всё сетовала, что не пришлось ей в жизни встретить такого мужчину, который так хлестался б за неё, и всё недо-

умевала:

– За какие ж такие хорошести так свезло рыжей малолетке?

Эти два слова – «хлестался» и «хорошести» – привели меня в полное недоумение.

Слово «хлестался» прочно ассоциировалось с «хлестанием кнутом», и я мучительно старался вспомнить, с кем же мой брат мог хлестаться кнутом. Да и «хорошести»... Ну да, к двенадцати годам я уже понял, что Лийса всё-таки хорошая, но что такое «хорошести»? Как-то звучало это... не по-доброму, что ли.

Меня так занимали эти вопросы, что, помучавшись догадками, напрямую спросил у Уруса – вид выпученных, обалделых глаз брата повеселил. Он никак не мог понять из моих путаных слов, кого же отхлестал, кроме той вредной пятнистой тёлки из стада, то и дело норотившей удрать в лес, в котором нет добрых оборотней, а недавно завелась новая волчья стая, которую...

– Тьфу, Лагор, да кого ж я мог хлестать-то? А-а, так «хлестался» означает драку?

И тут, видимо, вспомнив толстую Рону – и как только она умудряется оборачиваться? – захохотал.

– Да-а, за тётку Рону вряд ли волки дрались. Скорее, она своего мужика у какой-нибудь бабы кулаками отбила! А хорошести... – зло сощурились глаза. – Запущу-ка я эту вредную тёлку к тётке Роне в огород и скажу, что сама сбежала.

Будут ей хорошесть в полном объёме, чтоб языком трепать некогда было!

Тряхнув головой, я отогнал мысли о брате. Взглянув на небо, понял, что пора поторапливаться на встречу с Ррыком.

Странно, почему вожак не захотел переговорить со мной дома, даже словом не обмолвился накануне, а официально велел прийти на занятия, хотя, как я понял, других обучающихся кроме меня не будет.

Что гадать? Встречусь с вожаком, тогда узнаю.

Ррык вышел мне навстречу, когда я только подходил к его дому. Махнул рукой в сторону соседнего, там жил наш главный деревенский маг Тимофеич. А к нему-то зачем? Я ж уже перекинулся, мне теперь помощь мага не нужна. Недоумевая, шагнул вслед за Ррыком на двор мага, поморщился.

Всем хорош наш главный маг! Приветлив, обаятелен... У нас его любят. Рядом с ним возникало ощущение... надёжности, что ли. Только... запах. Мне совершенно не нравился запах Тимофеича – кислый, с примесью какой-то противной сладости. Но, кажется, кроме меня никого это не беспокоило. Даже Урус на мои расспросы недоумённо пожимал плечами.

– Ну, да. Запашок от него не очень... Но мужик хороший! Надёжный.

Тем не менее, избегая неприятного запаха, я старался общаться с магом как можно меньше. Потому, в отличие от многих, на усадьбе Тимофеича мне бывать не приходилось.

Огляделся с любопытством.

О подворье мага среди деревенских ходило много разных слухов. Рассказывали о чудной птице с большущим красочным хвостом. А посреди двора, говорили, росла дивная яблоня, на которой одновременно цвели цветы, зеленели завязи плодов, да тут же висели спелые румяные яблоки.

Хотя и слышал такие рассказы не раз, а всё-таки увидев чудную яблоню, не удержался, открыл рот от удивления.

Под самой яблоней стоял деревянный стол с деревянными же скамьями. Позади скамеек были приделаны доски, так думаю, чтобы спину подпирали, если сидеть прямо устанешь. Как у бабкиного кресла. У деревенских-то так делать не принято. А зря. Удобно сидеть, наверно.

В ожидании хозяина Ррык сел на скамью, кивнув мне, чтобы устраивался. Со склонившейся ветки сорвал спелое яблоко, смачно захрустел. Засмеялся моему ошарашенному взгляду:

– Рви яблоки, хозяин не обидится. Он на этой яблоне тренируется магией. Даже в морозы цвести и плодоносить заставляет. Хочет секреты эльфийской магии разгадать. Ему эти яблоки уже поперёк горла стоят – одному ж столько не съесть. Ты думаешь, откуда я зимой-то вам яблоки таскал? Вот соседу помогаю урожай собирать.

Вспомнил – и правда, Ррык частенько приносил яблоки. А я никогда не задумывался, откуда он их берёт в конце зимы – такие наливные, сочные и сладкие, лопал от души и не

спрашивал. А ведь зимние сорта яблок, даже если хорошо хранятся, к весне теряют сочность.

– Ррык, знаешь? У меня такое странное ощущение...

– Будто спал, а теперь вдруг проснулся?

Я вскинулся:

– Ты знаешь?

– А чего ж не знать-то?

Слегка усмехнулся.

– Это перекид, Лагор. До перекида оборотень, что ребёнок. Только б играть. Вас и учить-то в это время трудно. А вот после перекида... Как почувствуете слух и обоняние зверя, так будто просыпаетесь. На жизнь по-другому смотреть начинаете.

Помолчал.

– Вот и подумаешь иной раз – не зря же так завелось-то, чтобы оборотень в пять-шесть лет зверя обрёл, хоть и безмозгло. Но дикий оборотень сразу становится взрослее и к твоим годам много чего может, чего ты даже вполовину не умеешь.

– Да-а, «дикий» в его года много взрослее и охотится лучше, да и в лесу не пропадёт в отличие от вас, поздних-то, – из-за угла избы вышел Тимофеич, неся в руках горячий самовар. – Лагор, сбегай-ка на крыльцо, притащи посуду, я её туда выставил.

От движения на руке мага сверкнул камень, и россыпь разноцветных лучиков брызнула в стороны, отразившись от

связки подвесок на поясе. Вот это мне тоже не нравилось!

Ладно, когда женщины побрякушками обвешиваются, но Тимофеич-то похлеще иной щеголихи обряжался. Довольно высокий, не так, чтобы толстый, но грузный. И борода лопатой. А все пальцы перстнями унизаны, на ином и по два помещались. На запястьях каждой руки по два браслета. На шее сразу несколько – как их назвать-то? – ожерелий разной формы – тут тебе и круглые с загогулинами, и пластинки какие-то на цепочках висят. Даже пояс из квадратов узорчатых набран, а на нём подвески разные гроздьями телепаются. Ещё брошки по рубахе приколоты. И всё в каменьях! И в ухе большая круглая серьга с тремя блескушками мотается.

И думается мне, что вся эта «красота» не из простой меди делана, да ещё и весит пару пудов, наверное. А если посмотреть на мага при солнце... да какое там посмотреть? Глаза от переливчатого блеска до слёз режет!

Бывает, конечно, и мужчины человеческие, и оборотни носят браслет какой, или пояс нарядный оденут. В том-то и дело, что «или». Чтобы обвешиваться побрякушками с ног до головы, хоть бы и дорогими, ни у кого в обычае не было.

Но было в Тимофеиче и другое! Надёжный он был, основательный, несмотря на страсть женские побрякушки напяливать. Поговоришь с ним немного, и уже кажется тебе роднее самого близкого человека. Потому любят его у нас в деревне и на странности внимания не обращают.

Уже позже, принимая от мага чашку с душистым чаем

спросил:

– Так зачем же тогда нам «осознание» делать, если «дикие» в нашем возрасте лучше и взрослее?

– Эх, Лагор-Лагор, столько учился, а разницу так и не понял. Да, к жизни в первое время дикий молодой приспособленнее будет. Только со зверем своим он очень долго не в ладах. Зверь в нём сильнее человека. И пока обуздает он своего зверя, может и жизни лишиться. Да и видел ты, чтобы кто из «диких» чего-нибудь существенного в жизни добился? Ну, кроме вожака вашего, конечно. Он исключение.

– Да ладно тебе, Тимофеич, кого из «диких», кроме деревенских, Лагор видел? Ты же сам не раз наблюдал, как после перекида осознанцы первое время пасуют перед «дикими», зато потом навёрстывают.

– А вот не скажи, Ррык. Смотри-ка, наш Лагор не спасовал! Как он этого Грома с прихвостнями... их ведь с десятков было, а на место-то как ловко поставил!

Маг аж языком прицокнул, довольно сощутив глаза.

Ррык с хрустом разгрыз зачерствевшую баранку, прихлебнув чаю, задумчиво сказал:

– Думаю, наследство сказалось.

– Ясно дело, что наследство. Но характер тоже никуда не денешь.

Я с недоумением переводил глаза с одного на другого. Наследство... характер... чего это они? Я за бабулю испугался, что зашибут, больше ни о чём другом и не думал. А все

восхищаются какой-то смелостью... аж стыдно. Ладно, другие... но и эти туда же.

– Не стыдись Лагор!

Маг что, ещё и мысли читает?

– Тут ведь дело не в том, что ты собирался делать, а в том, что получилось. Мало у кого духу-то хватило бы поперёк стаи пойти. Честно скажу, я б, наверно, спасовал. Сначала глянул бы, кто из своих рядом, чтоб спину прикрыли, да взвесил бы шансы свои и противника. И у них на то расчёт был. А там, скорее всего, отступил бы так, чтобы достоинство не уронить. А ты, не глядя, махнул да в самую морду вожака очерился! Так не то, что олени себя не ведут, на такое любой взрослый волк, а то и медведь, не решится. А Гром-то струсил – думал, заломает оленя и скажет, что инстинкты сработали – и никто ему возразить ничего бы не смог. Поди докажи, что не со зла. А вот накося, выкуси! Олень зубастый сам нападает! Хо-хо-хо! Ну, ладно, – прихлопнул о стол ладонями, – поели, делом пора заняться.

Уже после того, как прибрали после завтрака, опять чинно уселись за стол. Ррык молчал, уступая первенство Тимофеичу.

Маг пригладил встопорщенную после еды бороду:

– Ну, Лагор, давай заново знакомиться. Знал ты меня, как деревенского и школьного мага, как уважаемая Мьяра говорит, шамана, – хмыкнул, – но... Позволь представиться, главный маг княжества Осиян – Гилон Тимофеичер Нол.

Чего?! Сам знаменитый Гроза Гилон? Княжеский главный маг? В нашей деревне? Да быть такого не может!

Я же сколько живу, столько его и помню – простой деревенский маг, наш наставник на «осознании».

Хотя... Оглянулся.

Яблоня чудная. Забор, отгораживающий двор от деревенской улицы, вовсе и забором не назовёшь – так, штaketник. Отсюда со двора всю улицу видать, как на ладони, а с улицы ни двора, ни макушки яблони не видно. Только кусты густые, через которые никакими силами не продраться. Деревенские мальчишки по-всякому пытались пролезть – я-то знаю. Уж больно завлекательно яблочка по весне попробовать да птицу заморскую рассмотреть, может, и перо выдрать – больно красивые, говорят – а потом похвастать удалью.

И надо же, в самый этот момент из-за угла избы птица появилась.

Смотри-ка, на курицу походит. Да только таких больших кур я не видел никогда. А сама-то синяя, на голове коронка из перьев. Идёт, а хвост из-за угла всё тянется и тянется... да когда ж он кончится-то?

Нет, такие чудеса другие шаманы делать не умеют. Уж точно много проще живут.

Среди деревенских столько рассказов и историй про знаменитого мага ходит. А он, выходит, среди нас живёт? И никто НЕ ЗНАЕТ?

Я, ошалевший от такого известия, очумело переводил гла-

за с мага на вожака и обратно. Нет, вожак-то, скорее всего, в курсе статуса нашего Тимофеича – вон, нисколько не удивлён новостью. Однако...

– Ну, полно. Поудивлялся, и хватит глаза таращить. Ты что ж думал, особенного потомка Рруса Трёхлапого без примотра оставят? Тут, брат, такие дела творятся, тебя у нас из-под носа увезти норовят.

Чего? Увезти? Зачем я кому-то сдался?

– Так, Тимофеич, ты мальчика-то с толку не сбивай, объясняй по порядку. Не забывай, он только третьего дня оборотился, считай, только проснулся. Ему твои мировые проблемы, сам знаешь...

– Прав, прав ты, Ррык. Это я, то ли от радости, что дождались, то ли от того, с чего начать не знаю.

Да чего их так разбирает? Чтобы наш Тимофеич так волновался, это что-то неординарное должно случиться. Конечно, исполнение пророчества – событие важное, да только с пророчеством этим не всё ясно.

Из горла вырвался сип. Откашлялся.

– Тимофеич, а точно я под это пророчество подхожу? Может, и не я вовсе тот семьдесят пятый потомок-то? Может, сбились где со счёту?

Маг задумчиво огладил окладистую бороду:

– Были такие сомнения. Всё-таки число не маленькое. После ухода Рруса оба его сына погибли, а вскоре враги и всю семью старшего сына вырезали. Сначала думали – всё, пре-

рвался род Великого Оборотня. Да только и в те времена уже была служба безопасности при князе. Семью старшего сына Армета спасти не смогли, как ни сторожили – уж больно враги хорошо подготовились, предателя при княжьем дворе нашли, и такое бывает. М-да, не уберегли... Но вот зазнобу младшего сына в расчёт не взяли. Младший-то, Рассверт, уж больно до женщин охоч был. Даже смешно. Оборотни ведь верностью своим любимым женщинам известны. А Рассверт, кажется, ни одной юбки не пропускал. Как утро, так из его покоев новая красотка выходит. Всех придворных дам... кх-м... – закашлялся после жожакова тычка в бок, – осласливил.

Тимофеич с Ррыком, ухмыляясь, переглядывались, видимо, вспомнили что-то своё. Пришлось напомнить о продолжении, этой истории я ещё не знал:

– А кто же стала нашей прародительницей?

– А прародительницей, – магу смешно, – стала дочь стражника-оборотня, про которую, Слава Сиянию, никто почти не знал. Звали её Рианой, от Рассверта-то она одна из всех и понесла.

– Думаю, всё ж-таки, сыновья Рруса знали про пророчество, – Ррык вступил в разговор, – наверно, они и разыграли такую комбинацию про запас.

– А вообще-то умно! У старшего – семья, а враги не дремлют. Всякое может случиться.

– Во-во, оно и случилось. А младший не женат, баб меня-

ет...

– Эй, Ррык, повежливее о бабах... тьфу, женщинах!

Эти два дружка ещё и зубоскалят! Хохочут. Я тоже не сдержался:

– Уважаемые наставники, вы, между прочим, о моих предках говорите!

Теперь маг толкает жожака в бок, тыча в меня пальцем:

– Смотри-ка, щенок зубы молочные скалит!

– А то... Порода! Вот подрастёт, ты ему на один зуб сгодишься!

Два уважаемых человека, а ведут себя, как щенки, ей богу!

Я оглянулся на забор, опасаясь – не услышал бы кто с улицы неприличные выражения, которыми обменивались эти... такие уважаемые. Тимофеич перехватил мой опасливый взгляд:

– Не бойся, Лагор, с улицы ни звука с этого двора не слышать, – подмигнул, – работать умеем.

– Мьиу-а-а-а-а-у-у...! – казалось, в самое ухо с перепугу заорала кошка.

От неожиданности я высоко подпрыгнул прямо со скамьи, в воздухе оборачиваясь, приземлился оленем рядом уже на четыре ноги и вытаращился.

Посреди двора стояла Тимофеичева «птичка» с развёрнутым хвостом! Я так пасть и разинул. Вот это да!

Птица-то и сама много больше курицы, а уж хвост-то у неё

раза в три длиннее тулова будет, а тут она ещё его и распустила – вот диво дивное! Хвост, что веер, на полдвора размахался! Тулово птицы синим переливается, а хвост изумрудной зеленью полыхает, и по вееру пятна, на глаза похожие, рассыпались. Тут «птичка» шею вытянула да как опять завизжит драной кошкой, хоть уши затыкай – ага, копытами.

Старшие, привалившись друг к другу, совсем от хохота зашлись. Обернулся в человека, сплюнув с досадой в сторону дурной птицы. Пригладив растрепавшиеся волосы, сел на своё место и сердито уставился на веселящихся вожака с магом.

– Ох-хо-хо! У Оша-то брачный период! Никак, про баб услышал, себе требует! Ах-ха!

Тимофеич совсем согнулся от хохота.

И это главный маг княжества Гроза Гилон!

Утирая выступившую влагу с глаз, маг пояснил:

– Мне Оша в Бормите подарили, когда я туда посольство сопровождал. Оша и ещё одного павлина, самку. Я чего-то не додумал, когда другую птицу князю передарил. Теперь и та у князя на птичьем дворе мается, и этот всё норовит к соседским курам сбежать. Благо, защита не пускает. Всё хочу Оша к невесте отправить, да руки не доходят. То забуду, то в спешке уезжаю, не до павлина. Вот поедешь к князю, с собой Оша заберёшь.

– К князю?

– К князю, к князю. Подучим, и вперёд – на службу! Иль

ты решил насовсем в деревне остаться, коровам хвосты крутить?

Недоумённо тряхнул головой – вот уж о чём-о чём, а о будущем я особо ещё и не задумывался.

А интересно, как князя живут? Говорят, и сын у него есть, почти Урусов ровесник. Да, вроде, и не один. А...

Старшие наконец-то отсмеялись, Тимофеич хлопнул ладонью по столешнице:

– На чём мы остановились?

– На бабах, то бишь, на женщинах, – хмыкнул Ррык и уже серьёзнее, – думаю, Рассверт видимость создавал, когда с разными бабами спал, зато и Риану уберёг.

– Похоже на то. Про Риану-то считаным людям было известно, это уж сейчас об этом открыто говорят, а тогда к государственным тайнам её беременность приравнивали. Да и потом не светили. Приглядывали только. Князь всегда знал, да пара доверенных лиц. Даже не охраняли. Вроде как обыкновенная оборотница. Дочь родилась, Раста. Так, в основном, по женской линии пошла наследственность – это-то недругов и сбило с толку. Никто и не держал Расту с мужем, когда они из столицы в леса подались – оно и спокойнее вроде. Но приглядывали. Ох, и досталось вашим предкам! Вроде детей нарожают, правда, больше трёх только у Мьяры да твоего отца было, да толку-то! Что-нибудь да случается, и каждый раз только один ребёнок в живых оставался. У Мьяры-то одного брата медведь-шатун ещё подростком задрал,

когда тот решил перед друзьями побахвалиться удачью. Другой тоже на охоте за зайцем погнался да в хитрую болотину угодил. Не выбрался – следы только до болотины довели. И всё, с концами... – вздохнул. – А уж когда история с ведьмой случилась, да в живых только Ррык с Аритом остались, тогдашний князь совсем обеспокоился. Тут ещё и на сына его покушение. Маг-то для пригляда рядом находился, да Листавия его самого первого убрала – никто ничего и не понял. Видно, за столько лет расслабились, кто-то где чего сказал, что кому намекнул. Не уследили. Листавия-то из Тирриэла приехала. Потом, после всех событий её путь отследили – прямиком ехала, не петляла, знала куда. И не одна, трое магов её сопровождали. Двое от зубов оборотней погибли, ещё одного израненного поймали. Только допросить не смогли. У него блокирующее заклинание сработало – а это очень редкая магия! А Листавию, похоже, пытались сделать матерью особенного – немного не рассчитали... Вот тогда-то власть и зашевелилась. Было решено плотнее вас охранять. Благо, Ррык с твоим дедом до «осознания» додумались! Тут уж и школу для маленьких оборотней открыли. И маги, что есть в деревне, все из службы безопасности княжества. Да и понятно стало – часть пророчества сбылась, значит, всё верно.

– Но, может, всё равно где-то сбились со счёту, – упрямо гну свою линию. – Урус тоже может быть семьдесят пятым, или даже Арыска?

– Эх, как же тебе не хочется быть особенным, – глаза мага лучились участием, а мне стало почему-то неловко. – Понимаю, Гор. Ответственность. Тебя ведь очень долго ждали, на тебе очень много важного завязано.

Как-то совсем неуютно стало после слов шамана, невольно ссутулился, передёрнув плечами.

– Только, если и были сомнения, что где-то что упустили, не так сосчитали, то после твоего оборота всё по местам встало. Не ошиблись, правильно посчитали. И, – маг довольно заулыбался, – это хорошо, что ты оленем обернулся! Удачно-то как! Вас ведь в последнее время трудно скрывать стало. Сам знаешь, в тебя разве что пальцами не показывали – вон, особенный идёт. Были мнения дать тебе раньше обернуться, но тут уж мы с Ррыком отстояли, чтоб зверя твоего получше приручить да и... детство немного продлить. Ты уж извини, брат, но теперь придётся резко взрослеть – пора пришла.

Мне совсем тоскливо стало от этих слов.

– Ну-ну, Лагор! Во взрослой жизни тоже много чего интересного есть. Обещаю, что скучно не будет!

– А-а...

Если уж заставляют взрослеть, то пусть на вопросы отвечают.

– А зачем удачно... ну, что оленем?

– Хм... Понимаешь? Ясно, что особенный должен был быть необычным оборотнем. Но если бы ты оказался ка-

ким-нибудь там... драконом, например. Даже пусть безобидного доброго дракона, если такие бывают, можно было бы расценивать, как угрозу. Всё же, опасная живность. А олень... что олень? По сути своей мирное животное. Видел же, сколько иноземцев на празднике было?

Киваю – ага, мельком видел, да и бабка с друзьями что-то говорили.

– Это только официальные гости были, которых, заметь, никто не приглашал, но, что будут, знали.

– А ещё какие были?

– А ещё и тайные соглядатаи были. Это те, что в нашей деревне живут, да в соседних деревнях пристроились.

Я недоуменно посмотрел в горящие глаза мага и перевёл взгляд на Ррыка. Тот спокойно грыз яблоко, ничему не удивляясь. Выходит, вожак в курсе того, что творится вокруг?

– Эх, Лагор, тебя ещё учить и учить...

– К-как это? В нашей деревне живут?

– Ну да, в нашей. Кто-то ещё до твоего рождения сюда пришёл, семьи завели, обжились. Кто-то недавно появился. Мы тоже приглядываем и за вашей семьёй, и за пришлыми. В прошлом году маг ассиарский всё пытался в школу наставником устроиться. Мы ему такую проверку устроили. Когда на службу к князю кого берём, такую не устраиваем. Еле-еле отвязались. Он тут ещё месяца два крутился, пытался в деревне пристроиться – тут уж Ррык за него взялся. У соседей пытался закрепиться, пришлось тамошних вожаков в тайную

службу вызывать. Шуганули его.

– Настырный, нахрапом пытался влезть. Но дурак! Кто ж так дела делает? – Ррык швырнул огрызок яблока птице.

– Два покушения на вашу семью было. Про одно-то все знают, правда, думали, что те из зверинца просто пытались любого ребёнка оборотня выкрасть для перепродажи...

Я вспомнил бабкин рассказ про то, как Уруса маленьким украли, а в результате спасли ещё и Лийсу.

– А бабуля говорила, что воров всех порвали.

– Ну, один-то поцелее остался. Я подсуетился, некроманта вызвал. Оч-чень редкие маги. Они мёртвого допросить могут, если на нём специальных заклятий не было. Вот он и допросил одного более-менее уцелевшего. Только маг через сутки приехал после того, что тогда случилось. А в таком деле, чем быстрее, тем лучше. М-да... И допрашиваемый оказался не самым главным, но что-то увидел, услышал. Сказал, что приходил к ним важный господин, высокий, в плаще, лицо закрытое, о чём-то разговаривал с главарём – тот потом довольным выглядел. Говорит, деньги у главаря появились, купили в каком-то зверинце несколько зверей и напрямик к нам направились. Они-то прежде грабежом купцов занимались на границе с Тирриэлом. Заметь, Листавия тоже из Тирриэла была. Сказал, что пока добирались к нам, где-то в лесу им человек попался, по виду слуга богатого господина, они его по старой привычке ограбили и убили, только из всего, что было при нём, так это пара золотых монет да ли-

сёнок-оборотень в мешке с порубленным хвостом. Лисёнка они в клетку засунули, главарь всё подхихикивал, что будет их подопечному подружка, – хмыкнул. – Никак главарь провидцем был – Лийса и вправду подружкой Урусу стала. Как видишь, враги тоже чего-то считали, и у них выбор на Уруса пал. Ну, а во второй раз никого даже к деревне не подпустили. Те уже из Ассиара были. Взяли всю группу заговорщиков ещё в столице. А там не только ассиарские были, но и один из приближённых княжеского вельможи. Ассиарские грубо работают, их быстрее других вычисляют, а вельможа тот... Я его тебе потом покажу, чтобы знал.

А его разве не поймали? Тимофеич будто мои мысли прочитал:

– Приближённого вместе с ассиарскими взяли, а вельможа ото всего отказался, и от друга детства своего – мол, знать не знает, чем тот занимался. Всё плакался, что жизнь свою другу доверял, а тот его предал. Только мы с тех пор с него глаз не спускаем. Знаем, что связан он с Ассиаром, но подловить пока ни на чём не можем, а без доказательств к нему не подступишься, – вздохнул. – Не всё так просто в жизни-то. И знаешь, что подлец, а сделать ничего нельзя. Ну, ладно, – прихлопнул ладонью по столу, – сегодня поговорили. А завтра придёшь вместе с Урусом, буду вас магии обучать.

Магии? Мы ж оборотни, ни разу не маги.

– Магии, магии! Вот придёте завтра с Урусом, всё объясню. Да не сюда – ещё не хватало, чтобы дурной силой двор

мне разнесли. Рык знает, куда идти.

Сила перекида

После визита к магу Ррык повёл меня в лес. Заставил вспомнить все уроки нахождения в лесу, которые мы изучали в школе только в человеческом виде. А вот в виде зверя знали только в теории.

Да уж, лес в звериной ипостаси воспринимался совсем по-другому. Как там бабка говорила? «В однораз, как зверем становишься – видеть по-другому начинаешь, глаза по-другому смотрят, уши каженный шорох слышат, в нос шибает всякой вонью...» Точно, и видишь по-другому, и слышишь... и вонью шибает, да ещё как!

Ррык тоже перекинулся в волка и начал меня гонять по лесу.

Долго в звериной ипостаси я не выдерживал, всё же навыка ещё не было. Тогда вожак устраивал перерыв в практике, но заставлял анализировать свои действия. Что унюхал, какого зверя почуял, старые и свежие следы, почему кусты не обогнул, кору на дереве ободрал? Нельзя было оставлять свои следы в мокрой мочажине и многое другое, что касалось безопасности нахождения в лесу. И говорил, что нужно ещё перекидываться.

Я старался. А к вечеру уже еле таскал как ноги, так и лапы... Тьфу, копыта!

Живот от голода подводило, хотя в ипостаси оленя и по-

жевал листья с куста. Да что листья – ими разве насытишься? И как олени всю жизнь только ими питаются? Эх... Мне б сейчас ту заячью лопатку, которую Орринка предлагала на превращении...

Наконец-то, вожак повернул к деревне.

Я уже не помнил, как бежал домой. От чувства острого голода казалось, что живот прилип к спине, руки тряслись, в глазах темнело, одна мысль в голове – поесть. По пути, кажется, уже в деревне кто-то меня окликнул, но не было сил даже повернуть голову и хотя бы поздороваться. Возле самого дома пытались остановить, ухватив за рукав рубахи. Не оглядываясь, из последних сил рванулся, рубаха затрещала, и рукав остался в чьих-то руках...

Ввалившись в избу, тут же кинулся к хлебному ларю, в который – я видел – мать поутру складывала караваи испечённого хлеба. Схватил половину каравая и тут же впился в него зубами. Обернулся – на кухонный стол Урсунка, пыхтя, умащивала горшок с молоком. Не знаю, зачем ей понадобилось молоко, но мне оно очень пригодилось.

Я рвал хлеб зубами, почти не жуя, и жадно запивал молоком. Но прихваченная еда быстро закончилась, а голод также терзал живот. И тут почти под носом увидел большую миску, наполненную до краёв тушёным мясом с грибами. Довольно урча, придвинул еду к себе и, наверное, начал бы есть чумазыми руками прямо из посуды, если бы в варево не плюхнулась ложка. Рядом с миской на столе появились та-

релки с сыром, маринованными овощами, нарезанным копчёным окороком, пирогами с мясом, капустой и другими лакомствами.

Лишь почти полностью опустошив тарелки, я оглянулся. Вокруг были родичи. Мать с бабушкой жалостливо вздыхали, подкладывая куски на мою тарелку. Отец с вожакom сидели на лавке у стены, о чём-то переговариваясь. Возле них пристроились Урсунa с Арыской, с любопытством таращившие на меня глаза. А Урус облокотился о дверной косяк и весело улыбался, из-за его плеча так же, как мать с бабушкой, жалостливо смотрела Лийса.

Я с недоумением оглядел родственников и стол – тут до меня стало доходить... Судя по количеству выставленных тарелок, и насколько они первоначально были полны, то я один уничтожил обед, приготовленный для всей нашей семьи. А ведь даже не заметил присутствия родичей, поглощая еду.

Кровь ударила в лицо, и я попытался вскочить, но бабушка придержала моё плечо:

– Сиди, сиди, Горушка! Кушай, мой оленёночек! Ишь, дядька-то поизмывался. Дитё голодное, а он его мучаит. Чай, в зверя перекидываться заставлял, да обратно? Ась? – развернувшись к мужчинам и повысив голос. – Ррык, тебе говорю! Никак заставлял Горушку перекидываться туды-сюды? Заставлял?

Вожак примирительно заговорил:

– Мам, ты ж знаешь, надо перекидываться – проверить,

насколько сил хватит.

– И как? Насколько разов получилось? Надолго ли хватило-то? – бабка даже рот приоткрыла от любопытства.

Ррык почесал в затылке, обвёл взглядом родичей, не торопясь с ответом, и торжественно объявил:

– Семь раз! И ещё один раз, когда мы у мага были, – усмехнулся, – Ош, павлин его, криком напугал. Итого восемь раз за день! А зверем один раз до полутора часов продержался! Один раз час с минутками пробыл, а после уже меньше – по полчасу, по четверти часа. Последний раз минут семь выдержал. Может, и ещё бы перекинулся, да уже на ногах еле держался. Видно было, истощился парень, совсем оголодал.

Урус от удивления присвистнул, мать охнула, младшие загомонили, перебивая друг друга.

А я стукнул себя кулаком по голове – только сейчас вспомнил, чему нас учили в лесной школе. Через день после первого перекида проверяется сила молодого оборотня – сколько раз он за день перекинется да сколь долго пробудет в звериной ипостаси.

Луна проходит свою самую активную фазу полнолуния и понемногу начинает терять свою силу воздействия на оборотня. В это самое время и проверяется устойчивость на оборот.

Взглянув на брата, вспомнил – Урус пять раз в своё первое испытание перекинулся, что было выдающимся достижением для молодого оборотня. Если молодой в своё первое ис-

пытание два-три раза в день перекинется в зверя – уже считается, что он будет сильным оборотнем. И, как правило, в первое время дольше получаса в звериной ипостаси за один раз трудно продержаться.

Вспомнилось, ведь тогда ещё разговоры пошли, что это Урус – особенный.

Отец подошёл ко мне и крепко обнял, а я с удивлением разглядел его повлажневшие глаза и даже крохотную слезинку на щеке. Мама, причитая и заламывая руки, кружила вокруг.

Бабка расцвела улыбкой и разве что не приплясывала:

– Ох, Лагорка, да как же ты стерпел-то? Это ж сколько силов-то надо? А мы дивимся, чево ж наш Горка так оголодал? Как копыта-то не откинул? И сам до дому добежал-то! А отошал-то как! За один-единый денёчек... Сколько ж силов-то поклял!

Брат подал голос:

– А что, Лагор, поел... Может, ещё попробуешь перекинуться?

Все замерли, глядя на меня. Вопросительно посмотрел на жоака. Ррык задумался, посмотрел на меня с сомнением, сказал:

– Можно попробовать... Смотри сам, если сдюжишь. Сильно-то насильничать над собой не нужно.

Заглянул в себя, стоит ли? Вообще-то, голод утолил... Изнутри пришла тёплая умиротворяющая волна согласия.

Семья смотрела с ожиданием, а мне чего-то неловко стало, бурчу:

– Здесь разве?

– На двор идите. Неча тута половики топтать.

Бабка и приласкать может, и на место быстро поставит.

Пошли во двор. Впереди старшие, потом я, Урсунa с Арыской – вот удивительное дело, ведут себя чинно, смиренно топают за мной, только тихо шушукуются.

Над деревней уже понемногу стали сгущаться вечерние сумерки. Из-за крыши сарая выглянула луна, ещё бледная при свете дня, с одного края будто немного обкусанная.

Неторопливо прошёл на середину двора. Ощутил приятную сытость в теле. Расслабился, вдохнул полной грудью свежий воздух и перекинулся.

И вот именно сейчас накатила эйфория – как опьянение, но много приятнее. По мускулам ног прокатилась волна дрожи, не ослабляя, а, наоборот, накачивая энергией всё тело. Казалось, что даже по шкуре пробежали искры.

Раздалось дружное:

– О-ох!

Я вскинул голову и притопнул передней ногой, высоко подпрыгнул на месте, разворачиваясь в воздухе в другую сторону. Захотелось прыгать, бегать, бодаться, дурачиться... Не тут-то было!

За воротами замычали коровы, идущие с пастбища, и заревел вожак стада, наш племенной бык Покат. Покат, умни-

ца, сам открывал ворота с улицы, поддевая защёлку кончиком рога, загонял наших коров во двор и ревел до тех пор, пока кто-нибудь из домашних, чаще всего я, выходил и угощал его круто посоленной краюхой хлеба за хорошо сделанную работу. И только после этого ритуала успокаивался, постепенно заходил в стойло, подавая пример коровам.

Вот и сегодня Покат открыл ворота, чтобы попасть домой, и замер на входе, увидев меня – оленя. Я без всякой задней мысли подскочил к Покату и пару раз прошёлся перед ним – мол, полюбуйся на хозяина!

Бык остолбенел и вдруг заревел, хвост его пришёл в движение и остервенело начал хлестать по бокам, выпученные глаза налились кровью. За Покатом столпились коровы, недовольные, что их не пускают во двор.

Со двора раздались крики, и до меня дошла мысль, что не стоило бы в оленьей ипостаси встречаться с быком. От греха подальше! Олень – он тоже парнокопытное, как-никак...

Ещё только додумывал эту мысль, а ноги сами понесли прочь от ворот. Только куда деваться-то? В ворота не проскочить, Покат ярился всё сильнее, да и коровы добавляли переполоха своим мычанием. Во дворе сарай да сбоку от избы огородный плетень...

Эх, была не была, придётся в огороде спасаться!

Махнул через плетень, приземляясь копытами посреди грядки с морковью.

«Попадёт от бабки...»

Пока озирался на морковные всходы, затрещала ограда. Покат сохранностью хозяйского добра не заморачивался, выбрал самый короткий путь – прямо сквозь плетень.

Да чего ж ты привязался, скотина?

Напрямик через огород по грядкам домчался до заднего забора, и снова пришлось брать препятствие. Земля тряслась под скачущей тушей разъярённого быка – чего ж его так разобрало-то?

Все деревенские отмечали ум нашего быка и редкое миролюбие – и это при его весьма внушительных габаритах. А со мной Покат дружил ещё с тех времён, когда отец привёл его несмышлёным телком. Мне и пришлось возиться с ним чаще всех. Между делом обучил смышлёного бычка нехитрым командам – вся деревня потешалась, глядя на пыхтящего неуклюжего телка, усердно ползущего на пузе по двору за вознаграждение в виде сладкой свеклы.

Правда, когда телок вырос в огромного бугая, дрессировка прекратилась, но наша дружба осталась. Потому и относился ко мне бык лучше, чем к другим, а тут... неужто не узнал?

Мысли проносились в голове, а ноги удирали прочь от двора.

Да только за задним забором тоже больно-то не разбежишься. Четыре оленьих прыжка, и я на берегу ручья.

Ручей он и есть ручей. Вроде бы, невелико препятствие, да только знаю, что дно у него сильно каменистое, и где-то

под берегом притаилась коварная бочажина. Не хотелось бы из-за дурной скотины ноги переломать!

Заметался по берегу, а бык уже и забор разломал – с рёвом вынес сразу несколько досок и припустил по берегу за мной. За быком нёсся Урус с кнутом в руке и что-то орал. Имя своё разобрал, а вот, что дальше – непонятно.

Так и бегали по кругу. Впереди я оленем... По берегу вдоль ручья до холма, перепрыгиваю через невысокий куст, что мне по пояс, в сторону нашего забора. И в обратную сторону вдоль забора мимо дыры, из которой выглядывают отец с жоаком и тоже что-то орут.

Мимо них до соседского огорода, а там как раз большой дуб растёт, и примыкающие к нему кусты вместе с деревом образуют довольно обширную куртину. Разворачиваюсь за ней, выскакиваю снова на берег ручья и бегу дальше до холма...

За мной, отставая на два корпуса и исступлённо ревя, Покат, а за быком Урус с кнутом в руках.

Ещё раз через куст, вдоль забора, мимо дыры, в которой машут руками и что-то кричат отец с дядькой, и дальше до куртины...

О, расслышал:

– Перекинься!

В прыжке и перекинулся.

Так и влетел головой в кусты возле дуба, ладно, не под копыта быку да не в ствол дерева. Покат тараном пролетел

рядом. За ним мчался Урус, а вот он уже со всего маху влетел в куст вслед за мной.

Пока барахтались, выпутываясь из кустов, Покат успел сделать круг и перешёл с бега на шаг, потеряв из виду врага. Бока бугая ходили ходуном, но злость понемногу проходила. Бык уже не хлестал себя хвостом, а увидев меня, подбежал и, заглядывая в глаза, замычал, да так выразительно, будто жаловался на обидчиков.

Охлопывая быка по шее, почесал его между рогов. Ласка понравилась. Покат довольно вздохнул, совсем успокаиваясь, и послушно пошёл к разломанному забору и дальше во двор через разорённый огород.

Честно говоря, ноги тряслись и еле держали. Спиной облокотился о забор, опершись руками о колени, пытался прийти в себя. Рядом, пыхтя, притулился Урус.

Чуть отдышавшись, переглянулись с братом и зашлись хохотом.

– О-ой, не могу!.. Ур, да Покат никак решил, что я к его коровам подкатываюсь! Ха-ха...

– Ага... Бормитскую принцессу по боку. Наши коровы милее...

– И красивше...

– И-и-и... Коровкин жених!

Мы с братом уже валялись на земле от хохота, когда за забором раздался бабкин голос:

– Весь огород уделали, охальники! – бабка выглянула из

дыры в заборе и сморщенной рукой потрясла хворостиной. – Безобразники... растудить...

И загнула такое, что мы с Уром только рты поразевали. Вот уж от кого, от кого, а от бабки такое услышать мы никак не ожидали.

– Это ж надо, с бугаём наперегонки скакать по огороду! Вот, заместо Урускиной свадьбы будете огород мне садить! Ж-женихи коровины!

Учёба

Такими же словами да с усмешкой встретил нас и Тимофеич, когда поутру по росе мы с Урусом вслед за Ррыком пришли к нему на урок по магии.

Занятие проходило на лесной поляне недалеко от деревни. И вся она пропиталась вонь... запахом мага.

Почти на самой середине поляны валялся толстый древесный ствол, тут же торчал пенёк. Дерево было когда-то спилено, но почему-то лежало здесь же, никем не оприходованное. Странно, кому понадобилось спилить дерево да тут же и бросить его? Как-то не по-хозяйски.

Брат, оглядываясь с недоумением, пробормотал:

– Что-то я такого места не упомяну... а уж рядом с деревней-то я всё облазил и не единожды.

– А и не увидит эту полянку никто, кому не положено. Зачарована она. Только по разрешению сюда прийти можно.

Маг объявился сидящим на пеньке.

Да как же так? Только пустая полянка была, на пне видел только жука, куда-то ползущего по краю спила по своим жу-чиным делам, а тут... на тебе, Тимофеич сидит на пеньке со всем своим удобством, закинув одну ногу на другую и, как обычно, камнями во все стороны сверкает.

Невольно глянул, не придавил ли маг букашку? Да нет – вон жук уже на кору сбоку перебрался, дальше поспешил.

А маг сидит, глаза довольно щурит да хохочет:

– Эк, вы вчера откололи, женихи коровины! Вся деревня судачит, как Покат за честь своих тёлочек заступался. Говорят, все заборы по огородам деревенским поносили, берег ручья так перерыли, что он теперь в другую сторону течёт!

Мы с Урусом обалдело переглянулись и негодующе уставились на мага. Только рты раскрыли, чтобы возмутиться наглым оговором, а Тимофеич на нас рукой махнул и уже серьёзно заговорил:

– Да ладно вам... Знаю, что сплетни. Специально пораньше встал, посмотрел, чего вы там натворили. Видно, что полная ерунда, а вот вам наука – будете знать, как людская молва работает. Вроде и не сделал ничего страшного, а молва уже всё преобразила и переиначила, и сплетни поползли одна другой причудливее.

Вздыхнул:

– Вот так людям жизнь и коверкают.

Хороший всё-таки человек наш Тимофеич! Понимаю-

щий.

После того, как мы с братом и вожаком умостились на бревне, маг приступил к уроку:

– В школе вы изучали, что в нашем мире много магических существ. В жизни, может, встречали? Да и так слышали, верно, от кого-нибудь? Магией в нашем мире фактически владеют все расы. У всех она выражается по-разному, в том или другом виде, с той или иной силой. Ну-ка, расскажите, что помните из школьных уроков.

Мы с братом переглянулись и синхронно вздохнули, понурившись – не было печали, думали, отдохнём, побегаем по лесу. Предполагали, Ррык нас, конечно, погоняет, но всё-таки не учиться... А тут – вспоминай школьные уроки – вот уж, совсем неинтересно.

Брат, скорбно вздохнув и закатив глаза почти под самый лоб, тоскливо затыкнул:

– Эльфы и дриады с растениями связаны. Гномы с камнями... – оживился, – ага, оборотни с животными, – задумчиво, – вроде как, драконы тоже оборотнями считаются, – и замолчал.

Я попытался дополнить ответ брата:

– Есть ещё элифики. И люди, конечно, тоже магически одарены, – чувствуя, что что-то не так в последней фразе, помявшись, уточнил, – не все.

– М-да, не густо у нас с информацией, – маг задумчиво постучал согнутым пальцем по колену. – А где орки, тролли,

природные сущности, наконец? И элифики... Лагор, кто такие элифики и с чем они связаны?

– Ну-ну, это... элифики связаны с деревьями.

Мне совсем поплохело, и желание учиться магии что-то приутихло. Я чувствовал себя полным неучем, и не скажешь, что в школе был одним из лучших.

– Вроде, с душой дерева, – выдал на последнем издыхании с пунцовыми от стыда щеками.

– Ну-ну, Гор, не тушуйся. Вам-то про элификов ещё только упоминали и про магические создания не рассказывали, а вот Урус уже должен знать, что элифики не существа, а, можно сказать, искусственные создания.

Брат поёжился под укоризненным взглядом Тимофеича.

– Они действительно являются душой дерева, но не каждого. Дриады после смерти могут жить дальше, трансформируясь и сливаясь с растением, если ещё при жизни договорятся с каким-либо деревом о соединении душ после своей смерти. И вот эти объединённые души и называются элификами. Странное название, наверно, по аналогии с эльфами. Ведь, даже если дриада при жизни не была красавицей и умерла от старости, выглядя дряхлой старухой, то, возрождаясь элификой, она выглядит молодой и красивой и внешне уже не стареет до окончательной смерти дерева. А, как известно, эльфы самый красивый народ в нашем мире, и, видимо, кто-то, не разобравшись, назвал эти магические создания элификами. Мне кажется, что красота элифика как-то

связана с душевными качествами дриады. Не всем дриадам удаётся договориться с деревьями. Многие так и умирают, как простые существа.

– Тимофеич, а ты элификов видел? А как они живут? И как это, до смерти дерева? А их стукнуть можно?

Стало жутко интересно, и вопросы посыпались, как из ведра.

Маг засмеялся, но ответил:

– Что, интересно стало? А то скисли, только я про школу заикнулся. Элификов видел, и даже знакомство с ними водил. Живут они в дереве, рядом с деревом, прячутся в дереве. Иногда пройдёшь мимо элифика и даже не догадаешься, что рядом кто-то есть. Выглядят, как красивый молодой человек или девушка, и даже за руку подержать его можно. Но передвигаются только в пределах кроны, куда самая длинная ветка дерева может дотянуться. Бить я их не бил, – глаза мага прищурились от смеха, – потому не знаю, можно ли их стукнуть. Дриады стараются договориться с деревьями, которые уже растут рядом с деревьями-элификами, чтобы и в этой ипостаси быть рядом с сородичами, но не всегда это удаётся. А вот этот элифик...

Тимофеич указал на древесный ствол, на котором мы сидели. Мы с братом, как по команде подскочили и вытаращились круглыми глазами на лесину.

– ...остался один. Когда Листавия здесь объявилась, она и элификам житья не дала. Раньше в лесу этой поляны не

было, на этом месте было поселение элификов. Что уж они не поделили с магессой, мне узнать не удалось, но только пожгла она тут многих элификов. Один остался. Когда я набрёл на эту поляну, следы пожара уже исчезли от времени, а дерево Альфея одно стояло посреди поляны. Тосковал он сильно. Листавия, мало того, что деревья с элификами пожгла, но и договорные деревья уничтожила.

Маг пояснил наш невысказанный вопрос.

– Это деревья, с которыми дриады уже заключили договор, тем самым связав свои жизни с деревьями, при этом отдавая значительную часть своей жизненной энергии. А это значит, не только то, что дриада после смерти станет элификом, живя вместе с деревом. Но при этом срабатывает условие, что если жизнь дерева прервётся при жизни дриады, то она тоже погибнет. Поэтому, не все дриады идут на этот договор. А те, которые решаются, очень тщательно прячут местоположение договорных деревьев, накладывают охранные чары на роци элификов. Что случилось между элификами и магессой? От Альфея не было никакой возможности добиться каких-то ответов. Он лишь стенал, плакал и горевал о своей невесте, чьё договорное дерево тоже погибло в огне, а значит, умерла и дриада. Когда мы с ним встретились, он стал умолять меня срубить его дерево.

Маг вздохнул.

– Жаль было бедолагу, вот я и спилил.

– А-а...

– Мы что-то отвлеклись. В общем, подводим итог – все магические существа так или иначе владеют магией в той или иной степени в определённой направленности, то есть, по сути, являются магами. Только почему-то все считают, что у оборотней магия проявляется только на уровне перекидывания и никак больше.

Урус смотрел на мага огромными глазами с открытым ртом, застыв в напряжённой позе:

– А как же? Мы разве ещё что-нибудь можем?

Тимофеич насмешливо фыркнул:

– Да самое простое! Ур, вспомни-ка, сколько тумачков ты на игрищах у Лийсы получал. И ноги-лапы ломал, и бока так раздирал, как жив оставался... Помню раз, ты чуть без хвоста не остался? А перекинешься – и опять здоров, все кости целы, и о ранах не вспоминаешь.

Брат недоумённо пожал плечами.

– Это ты сейчас плечами пожимаешь. Руку сломал, перекинешься в волка да обратно – рука целая. Или наоборот. А вспомни-ка, до первого перекида синяк целую неделю сходил, как у обычного человека.

– Забыл, как в первый раз на игрищах ещё до перекида тебя отметелили? – от слов вожака, заставивших вспомнить неприятные ощущения, брат поёжился. – Волки-то так... чуток поиграли, а ты почти месяц провалялся в постели под присмотром Верены. А в последний раз ты ведь сам даже идти не мог, хотя и одолел Грома, друзья тебя, считай, при-

несли.

Брат согласно кивнул:

– Ну, да. Перекинулся, сил нету, лапы трясутся, а раны все пропали. А что, Тимофеич, это разве магия?

– Она, родимая! Лагор-то вон ещё аккуратничает, его-то тело помнит, как долго всё заживает, а ты уже и забыл, како-во простому человеку приходится лечиться без магии. Кстати, по результатам перекида можно определить силу магии оборотня. Возьмём Грома. Ему же тоже от тебя досталось? – Урус согласно кивнул. – А шрамы от ран после перекида у него остались, тогда как у тебя абсолютно никаких следов. И что это значит?

Мы с братом переглянулись и вопросительно уставились на мага.

– Это говорит о том, что у Грома магия много слабее твоей – раны залечивает, да только скорость и сила регенерации меньше. Раны заживают, но из-за более медленной скорости на месте ран остаются рубцы. Даже среди его сторонников есть оборотни с более сильной магией, только пока не понимающие этого. Да и Гром – волк опытный, хитрый и коварный. Но такие всё равно долго у власти не удерживаются. Пусть сила магии оборотнями не осознаётся, но свою роль в определённый момент сыграет.

Брат радостно потёр руки, оскалив зубы в улыбке:

– Ну, всё, Гром, тебе конец! Прибыю да ещё всем расскажу, что ты волк недоделанный!

– Но-но, Ур, не смей! – Вожак нахмурил брови. – Запомни, щенок, лучше враг явный, чем тайный!

Поколебался, говорить ли, но всё же хмуро добавил:

– И не так уж он слаб. Там у Лийсы мог и загрызть тебя, в силу-то ты ещё толком не вошёл. А ты сам знаешь, нечаянная смерть на игрищах неподсудна! Да только никто Грому не позволил бы это сделать, потому заранее его предупредили, что со двора Лийсы, в случае чего, даже выйти не успеет. Он прекрасно понял, что живым не уйдёт, если что... – брат поёжился. – Ещё удивительно, что у вас ничьей всё закончилось, и Лийса к тебе вышла. Сейчас-то мы знаем, чего ожидать от Грома. И ладно! Пусть бесится. Пусть гадит втихую. Даже пособники не так уж его поддерживают. Скорее, как привычного дикого, опасаясь наших нововведений. А если его травить, то совсем в лютого врага превратится, и неизвестно тогда, чем это всё закончится... Пособники однозначно встанут на его сторону. А ты ещё не знаешь, как слабые, но озлобленные волки опасны! Не-ет, Грома трогать нельзя – лучше маленький прыщ, чем большой чирей.

– Эк ты заговорил, – засмеялся маг. – Знать не знаешь на своей шкуре, что такое прыщ и чирей, а говоришь, как переболевший человек, – и уже обращаешь к нам. – А вот ещё для вас загадка. При превращении у оборотней одежда никуда не девается и, что интересно, иногда какие-то прорванные дырки пропадают. Мы с Ррыком проверяли. Иной раз после перекида рубаха целее становится, прорехи зарастают, будто

их и не было. А иной раз, как было, так и остаётся. Мы пока не можем уловить закономерности – отчего так происходит и от чего зависит? Но явно прослеживается влияние восстанавливающей магии. Вот и думаю, залечивание ран происходит не только под влиянием регенерации, но и восстанавливающей магии оборота, что отражается и на одежде.

Тимофеич ненадолго погрузился в раздумья, устремив взор куда-то между мной и Урусом, но быстро опомнился и заулыбался, узрев наши ошеломлённые лица.

В голове не укладывалось, что мы – вот такие простые оборотни – оказывается, можем быть и магами! Не верится что-то. Царапнула какая-то мысль-вопрос, но тут же затерялась среди других.

Ну, оборот происходит с помощью магии – ладно, пусть будет так. А как же всякие такие магические штуки? Там... зажечь огонь, поднять бурю?

Вот эти сомнения я и озвучил вслух.

– Учиться будете. Как молодых магов обучают, так и вас начну учить. У претендентов проверяют одарённость определёнными тестами. Вот, давайте с них и начнём.

Тимофеич поставил нас с братом рядом в трёх шагах друг от друга, а Ррыка напротив нас.

– С Ррыком мы уже занимаемся некоторое время и, должен признать, у него довольно неплохо стало получаться.

Мы с восторгом и удивлением уставились на смущённого жожака. Маг же горделиво оглядывал взрослого ученика, ко-

торый вдруг покраснелся скулами.

– Где солнечное сплетение, знаете?

Мы с братом старательно вытаращились в небо, благо, на солнце поползло облако, выискивая солнечное плетение.

– Да не там, не на небе, а на теле вашем! И-эх, сколько ж вас ещё учить и учить. Вот тут, на ладонь выше пупка. Вот... А теперь руки установите напротив солнечного сплетения, как вам Ррык показывает.

Ррык как-то чудно вывернул руки, держа их возле живота. Ладонями навстречу и одна другой выше, будто шар в руках держит.

Попробовал также вывернуть руки, искоса глянул, как Ур в своих руках разбирается, вопросительно посмотрел на мага.

– Во-от, правильно. А теперь представь, что в руках у тебя твоя магия! Смотрите на Ррыка, как у него получается.

Вожак стоял, расслабившись, и даже глаза полуприкрыты, а между ладоней потихоньку разгорался шар света... светло-сиреневый. Величиной с небольшое яблоко. Красиво!

У меня тоже может так получиться? Прикрыл глаза, даже дышать перестал... живот закаменел от натуги. Глянул одним глазом – нет, ничего не светится. Пых-х-х! Воздух в груди совсем кончился, и ничего не получалось.

Урус рядом пыхтит. Тимофеич молча ждёт. Помог Ррык:

– Урус, Гор, помните то ощущение в момент превращения в зверя?

Брат кивнул головой, я же только плечами пожал – оборачивался-то всего ничего. Чего там запомнишь? Подумал.

Это было... вроде, как что-то внутри выдохнуло... и то, что высвободилось, обволокло тело изнутри... а потом, вот он зверь во всей красе!

Сбиваясь на каждом слове, попытался озвучить ощущения. Ррык поддержал:

– Вот-вот, когда ты вызываешь зверя, попроси его не превращаться, а проявиться вот так между ладонями. Во всяком случае, у меня именно таким способом получается.

Тимофеич хмыкнул:

– Надо же, магию зверем называют.

Я попытался сосредоточиться и... обратился в зверя. Потоптался на месте, перекинулся обратно.

У Уруса между ладонями засветилось. Шар помельче будет, чем у Ррыка, и цвет вроде такой же сиреневый, но уже с серебристыми прожилками.

Маг уважительно присвистнул, дядька довольно улыбался. Ур погасил свечение между ладоней, по его виску скатилась капля пота.

Все вопросительно посмотрели на меня.

А что я? Может, мой зверь не хочет в шар превращаться! От этой мысли внутри возник протест. Ничего себе – он что же, ещё и соглашаться со мной не будет?

– Гор, – на плечо легла крепкая рука, – ну, что ты?

Ррык участливо заглянул мне в глаза.

– Достается твоему зверю? От первого оборота не очухался, тебя уж дальше за уши тянут?

Неожиданно к горлу подкатил комок, подбородок мелко задрожал, из глаз, того и гляди, слёзы хлынут – ещё не хватало сопли распускать! Ага, оборотень после перекида, да ещё особенный, и разревётся сейчас как... как маленький! Стыдоба-а!

Зажмурил глаза, давя слёзы и пытаясь протолкнуть комок в горле, который, зараза, застрял и никак вздохнуть не даёт.

Донеслось тихое:

– Может, погодить? Как бы не сорвался парень. После оборота ещё мозги толком на место не стали. Не привык он ещё к себе, новому, а мы его так напрягаем.

– Ты, Ррык, не паникуй. Лагор – он сильный. Сейчас чуть вздохнёт, и всё у него получится. А погодить... Сам знаешь, не дадут нам погодить. И дальше ему, что ни день, то к новому приспособливаться придётся. А там рядом тебя не будет, и меня может не оказаться. Ему, хочешь – не хочешь, придётся самому силы находить.

Я тряхнул головой, открывая глаза – слёзы удалось удержать и комок в горле, наконец, протолкнуть, дав лёгким возможность вдохнуть.

– Тимофеич, а почему у Ррыка шар сиреневый был, а у меня с жилками серебряными?

Урус переключил внимание старших на себя, дав мне краткую передышку. Маг аж расцвёл, услышав интересный,

по всей видимости, вопрос.

Я отошёл в сторону, слушая объяснения и стараясь успокоиться.

– Цвет магии показывает её особенности и частично происхождение человека. Вот у Ррыка шар сиреневый. Такой цвет присущ всем оборотням. Но ты, наверно, не заметил – у него тоже прожилки были, но белые полупрозрачные, то есть, примешалась человеческая магия. Она молочно-белая, полупрозрачная. В серебристый же цвет окрашена магия эльфов.

– Откуда эльфы у нас в роду?

Маг усмехнулся:

– Я, когда ещё только прибыл в вашу деревню, обратил внимание, что ваша мама Таруся внешне достаточно сильно отличается от других деревенских женщин. Вроде волчица, а черты лица тонкие, правильные... Телосложение, – прищёлкнул пальцами, – более тонкокостное, лёгкое. Да и двигается быстро и легко. Красивая женщина! Очень! В общем, выделяется на фоне остальных. И стало мне интересно, каких же она кровей?

Маг замолчал и обвёл весёлым взглядом всю нашу компанию.

Мы же рты пораскрывали, даже вожаку интересно, видать, не задавался никогда такими вопросами, хотя наша мама у него на глазах не один десяток лет промелькала.

И правда, мы привыкли, что по отцовой линии у нас в

предках сам Ррус Трёхлапый. А вот по материнской вроде все – обычные оборотни.

Вспомнил деда Тариока, отца матери, очень сильного оборотня, но, тем не менее, с виду более тонкого и лёгкого, чем оборотни других стай. Вспомнил – по соседству его сестра, материна тётка живёт. Тоже очень красивая женщина. Да и многие оборотни в их стае отличаются изящностью и миловидностью. Вот эта тонкость черт и лёгкость, наверно, и присуща их роду.

А ведь мама на своего отца сильно похожа, и мы с братом внешне в материну родню удались. Похоже, что и Урсунa с Арыской унаследуют изящество Тариока.

– Да не томи, Тимофеич, чего узнал-то? – не выдержал брат.

– А узнал я кое-что интересное. Когда ваша пра-пра-пра, в общем, прародительница Раста, внучка Рруса Трёхлапого, ушла со своим мужем в леса, наши недруги потеряли их из виду и, видимо, пытались их искать и как-то проконтролировать... деторождение, – усмехнулся и переглянулся с вожаком. – Эльфы тоже попытались установить контроль, это точно известно. И отправили в леса такого... контролёра. Где уж он ходил, как искал – неведомо. А вот нашёл одну из ваших прабабок по материнской линии. И видимо, не один ребёнок у них получился. Род вашей матери всегда славился красивыми мужчинами и женщинами. Знаем, что эльфы и позже посылали своих... контролёров. Видимо пытались удержать

этот самый контроль. Наверно, перепутали потомков Рруса с другими оборотнями. Только в стае о них почти ничего не помнят, что-то случилось там – оборотни не очень-то любят... контроль.

Шаман совсем развеселился.

– Ну, рано или поздно ваши стаи должны были встретиться, как-никак, недалеко друг от друга находятся. А теперь, судя по цвету магии Уруса, все предположения подтвердились. Есть в ваших предках эльфы.

– А эльфы не смогут права предъявить?

Тут уже и Ррык засмеялся в голос:

– Многие могут заявить права на вас. В ваших предках кто только не отметился – и маги человеческие, эльфы с нашей стороны тоже были, и оборотни разных видов, гномка была, говорят, даже дриада. Да кого только не было. А права мы сами им предъявим!

– Верно, Ррык! И в предках вашей матери всякие побывали, не только эльфы. А унаследовал ты, Ур, магию оборотней, людей и эльфов, кстати, весьма нелишнюю, пригодится ещё. Интересно, что Лагор нам покажет? Магия у него точно есть и весьма мощная, судя по признакам.

Мне самому интересно. Установил руки перед солнечным сплетением, как показывал вожак, потянулся к своему притихшему зверю, позвал. Мгновение ничего не происходило, внутри как будто зависло недоумение. Вдруг ладоням стало... ласково. Что-то тёплое заворочалось, меж пальцев за-

струился свет.

Я с любопытством слегка сдвинул правую руку, которая располагалась сверху. На ладони левой руки лежал шар величиной почти как у брата и переливался – красный, зелёный, серебристый, змеились молочные спирали, проскакивали золотистые искры. Ни один цвет не задерживался, плавно переходя в другой, постоянно двигаясь.

Он был живой, уютный и родной – такой... мой! Тёплый шар лежал на ладони и, казалось, подмигивал мне. А я смотрел, не дыша, и очень скоро ощутил, как в груди заломило без доступа воздуха. Шар тихо растаял.

– Ух, ты! Гор, здорово! – обрадовался брат.

Перебив Уруса, Тимофеич произнёс уважительно:

– Лагор, да как же ты такую силищу держал? За столько времени ни разу не показал, не сорвался, – видя наше недоумение, пояснил, – так принято, что чем больше силы у молодого необученного мага, тем он более нестабилен – вспыльчив, драчлив. До тех пор, пока не научится силу контролировать. Даже самые упорные, нет-нет, да срываются. А ты ни разу! Со стороны ведь даже и не скажешь, что силён, только вот сейчас до конца видно, насколько!

На мой вопросительный взгляд пояснил:

– Вы у меня тут все трое уникальные. Понятно, что наследство Ррусово даёт себя знать не только у Лагора. Магия такой величины, какую показали вы все трое, уже достаточно редко встречается. Даже среди именитых магов. А тут, как

считается, у простых оборотней! Ты, Ур, ещё совсем молодой и даже не знал, что магией обладаешь, а она у тебя величиной почти как у вожака – скоро Ррыка потеснишь. Лагор! В таком возрасте у самых сильных магов магия величиной с вишню будет, да и то они с нею едва справляются. А у Лагора магия сейчас уже величиной ненамного меньше братовой, а дальше-то что будет?

Шаман как-то растерянно покачал головой.

Ррык задумчиво смотрел на меня.

А я вдруг вспомнил, какая мысль не давала мне покоя. Сопоставляя полученные знания с давно известными фактами, спросил:

– Ррус Трёхлапый был сильным оборотнем. А вы сказали, что оборотни при обороте залечивают свои раны. Так почему же он был трёхлапым? Что с ним случилось, что даже сильная магия не смогла восстановить лапу?

У мага довольно заблестели глаза.

– Ррус Трёхлапый был очень сильным магом-оборотнем, и он никогда не терял своих лап!

Свадьба оборотней

Вскоре Урус с Лийсой сыграли свадьбу.

Ну, как свадьбу... Это у людей застолье да гуляния всякие свадьбой называются. А у оборотней всё совсем по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.